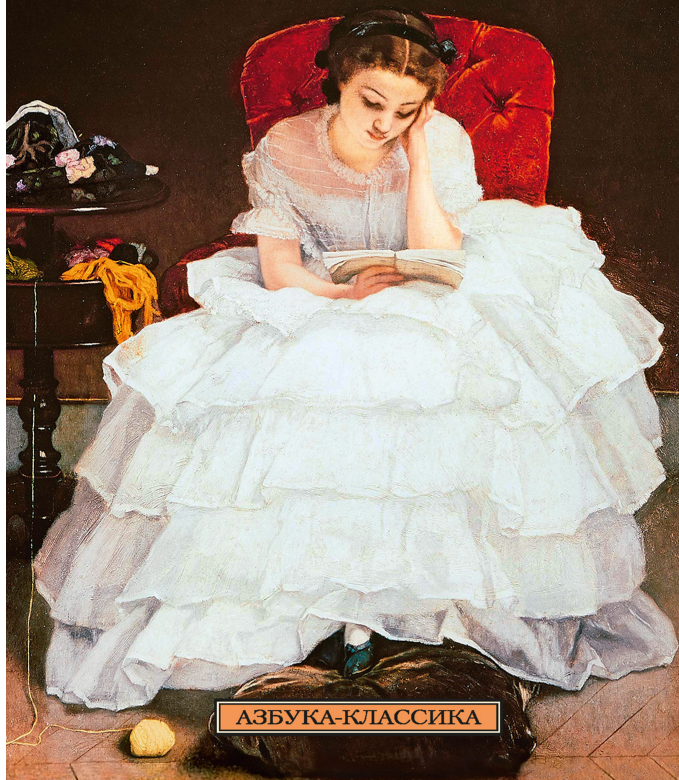

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

Роза в цвету

АЗБУКА-КЛАССИКА

Луиза Мэй Олкотт

Роза в цвету

Серия «Азбука-классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095637

Роза в цвету : роман / Луиза Мэй Олкотт : Абука; Санкт-Петербург;

2024

ISBN 978-5-389-24704-8

Аннотация

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, автор знаменитого романа «Маленькие женщины», который принес ей мировую славу и любовь читателей. До сих пор книга остается одним из самых значимых произведений американской литературы.

В 1875 году Олкотт выпустила в свет трогательную повесть о девочке по имени Роза, которая после смерти родителей нашла себе новый дом в большой дружной семье Кэмпбелл. Писательница не смогла расстаться с очаровательной героиней (к тому же первая книга имела успех) и год спустя написала продолжение – повесть «Роза в цвету». После двухлетнего путешествия Роза возвращается на родину, где оказывается в центре пристального внимания многочисленных поклонников, из которых обязана, по мнению своих тетюшек, выбрать себе мужа. Однако Роза не считает нужным спешить со свадьбой, ценя свою

независимость и строя многообещающие планы по покорению высшего света.

В настоящем издании повесть «Роза в цвету» представлена в новом замечательном переводе Александры Глебовской.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	39
Глава 3	64
Глава 4	84
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Луиза Мэй Олкотт

Роза в цвету

Louisa May Alcott

ROSE IN BLOOM

© А. В. Глебовская, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

* * *

Предисловие

В силу укоренившегося убеждения, что автор лучше других знает, какой именно смысл он намерен вложить в свою книгу, считаю своим долгом сообщить, что в этом повествовании нет никакой морали. Роза вовсе не идеальная девушка, и продолжение ее истории было написано лишь во исполнение некоего обещания, с целью развлечь иных, готовых расцвести роз, равно как и дать им между делом один-другой полезный совет.

Л. М. Олкотт

Сентябрь 1876 года

Глава 1

Возвращение

Погожим октябрьским днем трое молодых людей стояли на причале, дожидаясь прихода океанского лайнера; их нетерпение выливалось в то, что один, помладше, солнечным зайчиком прыгал туда-сюда, развлекая тем самым других встречающих.

– Это Кэмпбеллы, а ждут они свою кузину – она провела несколько лет за границей со своим дядюшкой-доктором, – прошептала одна дама другой, когда самый красивый из молодых людей дотронулся, проходя мимо нее, до своей шляпы: он возвращал на место своего юного спутника, которого поймал за обследованием свай.

– А это который из них? – поинтересовалась приезжая дама.

– Принц Чарли, о нем говорят только хорошее, самый многообещающий из всей семерки, – правда, я слышала, он несколько несдержан, – ответила первая дама, покачав головой.

– А остальные – его родные братья?

– Нет, кузены. Старший, Арчи, – просто образец для подражания. Только что поступил на службу к своему дядюшке-коммерсанту и, судя по всему, станет гордостью всего се-

мейства. Второй, в очках и без перчаток, – Мак; он чудаковатый и недавно приехал из колледжа.

– А паренек?

– А, это Джейми, самый младший брат Арчибальда, всеобщий любимец. Ах ты ж господи, куда они смотрят? Он утопится!

Тут дамы резко прервали беседу, потому что к этому самому моменту Джейми как раз выловили из большой бочки, а вдали показался пароход – и все прочие темы сразу забылись. Судно по плавной дуге подходило к причалу, и тут зазвенел мальчишеский голос:

– Вон она! Вижу и ее, и дядю, и Фиби! Ура кухне Розе!

И Джейми трижды пискляво крикнул «Ура!», размахивая руками, как мельница крыльями: брат придерживал его за фалду сюртучка.

На палубе действительно стоял дядя Алек – он, точно мальчишка, крутил шляпу над головой, с одной стороны от него Фиби – она улыбалась и кивала, с другой – Роза, обеими руками посылавшая воздушные поцелуи: она узнала знакомые лица и услышала знакомые голоса, поздравлявшие ее с возвращением.

– Ну надо же, похорошела сильнее прежнего! Прямо вылитая мадонна, правда? В этом-то голубом плаще – а волосы как развеваются на ветру! – восторженно воскликнул Чарли, впившись, как и другие, взглядом в группу на палубе.

– У мадонн таких шляпок не бывает; Роза почти не изме-

нилась, а вот Фиби – да. Какая красавица! – ответил Арчи, неотрывно глядя на темноглазую девушку с румяными щеками – косы ее блестели под солнцем.

– Дражайший дядюшка! Здорово, что он вернулся! – Мак ограничился этими словами, однако, исступленно произнося их, он вовсе не смотрел на «дражайшего дядюшку», ибо видел только хрупкую белокурую девочку с ним рядом, к ней он протягивал руки, напрочь забыв о том, что между ними плещется зеленая вода.

Когда судно причалило, воспоследовала краткая суматоха – Роза успела рассмотреть четыре обращенных к ней лица и, судя по всему, прочитала в них нечто, одновременно и обрадовавшее ее, и опечалившее. То был мимолетный взгляд, причем затуманенный слезами, но сквозь их счастливую дымку она успела подметить, что Арчи почти не изменился, Мак явно расцвел, а вот с Чарли что-то не так. Разглядывать, впрочем, оказалось некогда – все ринулись к сходням, и не успела Роза схватить свой саквояж, как Джейми уже вцепился в нее, словно ополоумевший от счастья медвежонок. Она с трудом выпросталась из его объятий, чтобы переметнуться в другие, куда более нежные объятия старших кузенов, которые воспользовались сутолокой, чтобы поприветствовать обеих девушек в цвету с раскованной приязнью. А потом путешественников триумфальной процессией препроводили на берег, причем Джейми выплясывал перед ними, даже когда они сходили по трапу.

Арчи остался помочь дядюшке оформить багаж на таможне, остальные отправились вместе с барышнями домой. Но едва они заняли свои места в экипаже, всеми овладела странная, доселе им неведомая скованность: они все одновременно поняли, что бывшие их друзья по играм стали взрослыми. К счастью, скованность не распространилась на Джейми – он втиснулся между двумя барышнями и всячески вольничал как с ними, так и с их багажом.

– Ну, малыш, и как мы тебе? – поинтересовалась Роза, дабы прервать неловкое молчание.

– Вы обе выросли очень красивыми, мне даже не решить, которая лучше. Фиби больше и ярче, и я, кстати, всегда очень любил Фиби, но ты такая у нас милая, такая бесценная, что я просто никак не могу еще раз тебя не обнять. – И Джейми стиснул Розу в объятиях.

– Ну, если я тебе больше по душе, меня совсем не обижает, что Фиби, по-твоему, красивее, потому что так и есть. Правда ведь, мальчики? – спросила Роза, бросив лукавый взгляд на сидевших напротив джентльменов; на лицах у них отразилось почтительное восхищение, немало ее позабавившее.

– Блеск и краса, обрушившиеся на меня столь внезапно, затмили мне взор – и я не в силах подобрать слова, дабы выразить свои чувства, – отозвался Чарли, искусно уворачиваясь от опасного вопроса.

– Ничего не могу сказать, потому что никого еще не успел

рассмотреть. Если не возражаете, сейчас этим и займусь. – И Мак, немало позабавив своих спутников, с серьезным видом поправил очки на носу и приступил к осмотру.

– Ну? – с улыбкой поинтересовалась Фиби. – она зарделась под его пристальным взглядом, но, похоже, не имела ничего против, а вот ответом на снисходительное одобрение, читавшееся в дерзком взгляде голубых глаз Чарли, стал вызывающий блеск ее черных глаз.

– Думаю, что, если бы ты, Фиби, была моей сестрой, я бы очень тобой гордился, потому что в лице у тебя я вижу нечто, чем восхищаюсь даже сильнее, чем правдивостью и отвагой, – объявил Мак с легким поклоном, полным столь неподдельного уважения, что пламя в глазах девочки тут же потухло, загашенное росой удивления и радости, и тревога покинула ее чувствительное и гордое сердечко.

Роза хлопнула в ладоши – как хлопала и раньше, когда чем-то восхищалась, одобрительно улыбнулась Маку и сказала:

– Вот это достойная критика, так что премного обязаны. Я и не сомневалась, что, узнав Фиби получше, ты начнешь ею восхищаться, но мне и в голову не приходило, что тебе хватит мудрости с ходу распознать ее достоинства: должна сказать, что в моих глазах ты поднялся сразу на несколько ступеней.

– Я, как ты помнишь, всегда интересовался минералогией, а в последнее время много копаюсь в земле, так что опо-

знать драгоценный металл уж как-нибудь сумею, – сказал Мак, улыбаясь с обычным своим всезнающим видом.

– А, так это твое новое хобби? Мне было очень интересно читать твои письма: в каждом изложена теория очередного эксперимента, причем каждый следующий всегда лучше предыдущего. Я думала, дядя умрет со смеху по поводу твоего вегетарианства, – так смешно было себе воображать, что ты теперь питаешься только молоком, хлебом, печеными яблоками и картофелем, собственноручно поджаренным на огне! – продолжала Роза, в очередной раз сменив тему.

– Над этим красавцем весь класс хохотал до упаду. Прозвали его Дон Кихотом – и как же уморительно было смотреть на его сражения со все новыми ветряными мельницами! – вставил Чарли, который явно решил, что Мака достаточно погладили по головке, больше уже будет перебор.

– Так-то оно так, но в колледже Дон все равно собрал все мыслимые награды. Как я обрадовалась, когда тетя Джейн нам об этом написала – а она была прямо сама не своя от гордости, ведь он оказался первым на курсе и получил медаль! – воскликнула Роза, пожимая Маку сразу обе руки, да так, что Чарли здорово пожалел, что «этого красавца» не оставили в порту вместе с доктором Алеком.

– Ну, полно, мама вздор говорит. Я просто начал учиться раньше других, да и нравилась мне учеба сильнее, так что хвалить меня особо не за что. Впрочем, Принц прав. Мне случалось выставлять себя остолопом, но в целом дурил я

не больше, чем многие мои знакомые. Кстати, дурость моя оказалась не затратной, да и здоровье я на ней не подорвал, — скромно поведал Мак.

— Знаю я, какую «дурость» ты имеешь в виду. Я слышал, как дядя Мак говорит, что из Чарли дурость так и лезет, вот и спросил у мамы, что это значит, и она мне все объяснила. А еще я знаю, что ему вынесли порицание, а потом исключили, что-то такое, ну, в общем, нехорошее, тетя Клара даже плакала, — на одном дыхании выпалил Джейми, обладавший фатальным даром высказываться не к месту, чем и терроризировал все семейство.

— Опять хочешь в ящик? — предостерегающе нахмурившись, осведомился Принц.

— Нет, не хочу.

— Тогда придержи язык.

— Да ладно, Мак, не надо меня пинать, я просто... — начал проштрафившийся мальчуган, неловко пытаюсь загладить свою вину.

— Все, хватит, — сурово отрубил Чарли, и Джеймс пристыженно притих, утешаясь разглядыванием новых Розиных чашиков — ведь он в очередной раз пострадал от своих «стариканов»: так он называл старших, когда был в мстительном настроении.

Мак и Чарли тут же принялись оживленно болтать, стараясь держаться самых что ни на есть приятных тем, и так в этом преуспели, что прохожие начали с благожелательны-

ми улыбками оглядываться на экипаж, из которого долетали взрывы звонкого смеха.

Едва Роза переступила порог дома, ее погребла под собою лавина родственников, и до конца дня старый дом гудел, точно улей. К вечеру все семейство встретилось в гостиных – за исключением тетушки Миры, место которой опустело.

Как оно обычно бывает, взрослые через некоторое время собрались своей компанией, юноши же вились вокруг девушек, подобно бабочкам, присмотревшим два дивных цветка. В одной комнате царил доктор Алек, в другой – Роза, ибо маленькая девочка, которую когда-то так любили и баловали, расцвела и превратилась в женщину: двухлетнее отсутствие внесло неожиданные перемены в ее взаимоотношения с кузенами, особенно с троими старшими, которые взирали на нее со смесью мальчишеской привязанности и чисто мужского восхищения, нового и чрезвычайно приятного.

Ее милая непосредственность одновременно и очаровывала, и дразнила любопытство, ибо Роза не походила на других девушек и раз за разом ошеломляла родных независимостью суждений и поступков: они лишь переглядывались с лукавыми улыбками, как будто только сейчас вспомнив, что Роза у них «дядюшкина девочка».

Давайте, как и положено, сперва послушаем разговоры старших, ибо они уже строят воздушные замки, в которых предстоит обитать их мальчикам и девочкам.

– Ах, милочка наша, как же я рада ее возвращению! Ка-

кая она здоровенькая, довольная – и такая же славная, как и раньше! – умилилась тетушка Изобилия, смыкая ладони и вознося хвалу за столь несказанное счастье.

– Боюсь, Алек, в ближайшее время выяснится, что ты принес в дом настоящее огниво. Точнее говоря, два, ибо из Фиби выросла славная девушка и молодые люди, насколько я понимаю, это уже обнаружили, – добавил дядя Мак, кивнув в сторону второй гостиной.

Все взоры устремились туда, и отцам с матерями представала в высшей степени красноречивая картина.

Роза с Фиби сидели рядышком на софе: они безошибочно заняли те самые места, которые им и полагалось занимать по праву молодости, пола и красоты, ибо Фиби давно уже превратилась из служанки в подругу – и Роза хотела ясно донести эту мысль до каждого.

Джейми расположился на ковре, на нем же стояли в положении «вольно» Уилл и Джорди, красуясь так и сяк в своей военной форме, ибо учились теперь в прекрасном заведении, где строевая подготовка была отрадой их души. Стив грациозно раскинулся в кресле, за спинкой кресла стоял Мак, а Арчи опирался на угол каминной полки и смотрел сверху вниз на Фиби – она слушала его болтовню с улыбкой на губах, а щеки ее алели почти так же ярко, как и гвоздики у нее на поясе.

Но эффектнее всех все же оказался Чарли, хотя он и сидел на стульчике у пианино – а это тяжкое испытание для любо-

го мужчины, не наделенного способностью ловко обходиться с собственными ногами. Принц, к счастью, ею обладал, поэтому занял непринужденную позу, закинув одну руку на спинку софы и слегка нагнув красивую голову; ему удалось заполучить Розу в полное свое распоряжение, и он смотрел на нее с преданностью и удовольствием, которые оказались очень ему к лицу.

Тетя Клара улыбнулась, не скрывая своей радости; у тети Джесси вид был задумчивый, а зоркий взгляд тети Джейн встревоженно перелетал со щеголя Стива на Мака; миссис Сара бормотала что-то про свою «душечку Каролину», а бабушка Биби сердечно приговаривала:

– Благослови господь наших милочек! Любой бы гордился такими славными отпрысками!

– Алек, я в любой момент готова взять на себя обязанности дуэньи – полагаю, девочка немедленно начнет выезжать в свет, поскольку не выезжала до вашего отбытия. Вряд ли она будет долго пользоваться моими услугами, потому что готова поклясться: с ее-то бесчисленными достоинствами пара ей найдется в первом же сезоне, – произнесла миссис Клара, сопровождая свою речь многозначительными улыбками и кивками.

– Договаривайся об этом с самой Розой. Я, знаешь ли, больше не капитан, всего лишь старший помощник, – ответил доктор Алек, а потом мрачно добавил, обращаясь отчасти к самому себе, отчасти к брату: – Не понимаю, почему

все так торопятся «вывозить» своих дочерей. Для меня девушка, стоящая на пороге взрослой жизни, невинная и воздержанная, но при этом плохо понимающая, что ее ждет впереди, и, как правило, недостаточно подготовленная к жизненным невзгодам, представляет собой довольно грустное зрелище. Свой долг по отношению к мальчикам мы выполняем куда лучше, а вот несчастных маленьких женщин никто не снабжает столь необходимыми доспехами, хотя рано или поздно доспехи им все равно понадобятся, ибо каждый ведет свою битву, а побеждают в ней лишь сильные и отважные.

– Ну, себя-то, Алек, тебе не в чем упрекнуть: ты честно выполнил свой долг в отношении дочери Джорджа, и я тебе здорово завидую: я был бы горд и счастлив иметь такую дочь – а она тебе именно дочь, – откликнулся старший Мак, внешне выказав отеческую нежность, какую мужчины редко проявляют в отношении сыновей.

– Мак, я очень старался, и я действительно горд и счастлив, вот только год от года тревожусь о ней все сильнее. Я как мог подготовил Розу к будущему – такому, каким я его вижу, – но она вступает в самостоятельную жизнь, и никакая моя забота не оградит ее ни от сердечных ран, ни от досадных ошибок, ни от чужой жестокости. Я могу лишь стоять рядом, разделять ее радости и горести, смотреть, как складывается ее жизнь.

– Да ладно, Алек, чего там ей предстоит такого, что ты так напустился? – осведомилась тетя Клара, явно начинавшая

предъявлять на Розу особые права.

– А вот погодите! Пусть она сама все расскажет! – ответил доктор Алек, ибо до них долетел голос Розы, которая очень отчетливо произнесла:

– Ну хорошо, свои планы на будущее вы нам изложили, что ж не спрашиваете про наши?

– А то, что у хорошеньких девушек планы понятные: разбить десяток-другой сердец, прежде чем отыщется подходящий суженый, выйти замуж и завести семью, – ответил Чарли, как будто никакого иного ответа и быть не могло.

– Может, со многими оно именно так, но только не с нами, потому что мы с Фиби считаем: женщины наделены таким же правом и обязанностью прожить свою жизнь осмысленно, как и мужчины, и нас не устраивают эти легкомысленные роли, которые вы нам навязываете! – воскликнула Роза, сверкнув глазами. – Я это говорю серьезно, и не извольте насмешничать. Тебя самого бы порадовало, если бы тебе предложили несколько лет развлекаться, потом жениться и больше уже ничего не делать до самой смерти? – добавила она, поворачиваясь к Арчи.

– Нет, конечно, ибо семья – лишь часть жизни мужчины, – ответил он твердо.

– Очень ценная и славная часть, но, безусловно, не всё, – продолжала Роза. – И для женщины не должно быть иначе, потому что у нас помимо сердца есть еще разум и душа; помимо красоты и воспитания – стремления и таланты; мы хо-

тим жить и учиться, а не просто любить и быть любимыми. Как мне надоело выслушивать, что только в этом женское предназначение! Не хочу я никакой любви, пока не докажу, что я не просто домохозяйка и нянька детей!

– Боже, спаси и помилуй! Вот вам радетельница за права женщин во всей красе! – воскликнул Чарли, глядя на Розу с притворным ужасом, – на остальных же лицах мешались удивление и насмешка: слова ее явно сочли девичьей прихотью.

– И не изображайте потрясение, у нас тут серьезный разговор, потому что я лишь начала излагать вам свои твердые намерения, – продолжила Роза, ничуть не смущенная благожелательно-недоверчивыми и даже надменными улыбками своих кузенов. – Я решила, что не позволю обманом лишиться себя тех действительно важных вещей, которые делают человека добродетельным и счастливым; я не согласна сидеть сложа руки и плыть по течению только потому, что богата. Я не зря столько лет прожила бок о бок с Фиби. Я знаю, какие плоды способны принести отвага и самодостаточность, – иногда мне даже хочется остаться без гроша, чтобы, как и она, зарабатывать себе на хлеб и поскорее стать такой же бесстрашной и самостоятельной.

Роза явно говорила без тени иронии, ибо по ходу дела обернулась к своей подруге с таким уважением и любовью на лице, что взгляд красноречивее всяких слов сообщил о том, сколь глубоко богатая девушка ценит добродетели, которые

у бедной развились в силу тяжелого опыта, и как сильно ей хочется обрести то, чего не купишь за деньги.

Взгляд, которым обменялись две подруги, произвел на молодых людей сильное впечатление, несмотря даже на все их предрассудки, и Арчи совершенно серьезно произнес:

– Полагаю, кузина, что, если ты выберешь для себя трудовую жизнь, без дела ты не останешься: не зря же говорят, что у богатых свои испытания, равно как и у бедных.

– Я это знаю и постараюсь не ударить лицом в грязь. Я уже составила план, совершенно замечательный, и приступила к изучению своей будущей профессии, – ответила, энергично кивнув, Роза.

– Могу я поинтересоваться, что это за профессия? – благоговейно спросил Чарли.

– А ты угадай! – И Роза глянула на него одновременно и пытливо, и лукаво.

– Ну, лично я бы сказал, что тебе очень пойдет роль светской красавицы, но это явно не в твоём вкусе, так что, боюсь, ты решила изучать медицину и стать врачом. Ах, как божественно быть твоим пациентом! Легко умирать, когда отраву тебе вводит ангел.

– Знаешь, Чарли, это довольно низко с твоей стороны, ты ведь прекрасно знаешь, как успешно женщины трудятся на этом поприще и сколько добра доктор Мэри Кирк сделала милой нашей бабушке Мире. Да, я действительно хотела изучать медицину, но дядя сказал, что столько медиков в одной

семье – это слишком, поскольку и Мак подумывает о том же. Кроме того, есть другая сфера деятельности, к которой я, как мне кажется, приспособлена куда лучше.

– Ты приспособлена ко всему, что требует доброты и благородства, и я готов помогать тебе во всем, что бы ты ни выбрала! – с чувством воскликнул Мак: Роза говорила в совершенно новом для него ключе, и ему это страшно нравилось.

– Филантропия – прекрасное, добродетельное занятие, его я и выбрала, ибо мне есть что отдавать. Я единолично распоряжаюсь состоянием, которое мне оставил папа, и мне кажется, что, если я с умом использую его на благо других, я получу от этого больше удовольствия, чем тратя все на себя.

Эти слова Роза произнесла очень просто и мило, а потом занятно было посмотреть, как по-разному отреагировали на них слушатели.

Чарли бросил быстрый взгляд на свою маму, а та воскликнула, явно не сдержавшись:

– Алек, ты действительно позволишь девочке растратить огромное состояние на всякую ерунду, на бессмысленные затеи по предотвращению бедности и преступности?

– «Благотворящий бедному дает займы Господу»¹, а кроме того, сильнее всего Он любит тех, кто подтверждает свою веру делами, – коротко отвечал доктор Алек.

Этого оказалось достаточно, чтобы заставить тетушек примолкнуть, а рачительный дядя Мак вдруг вспомнил с

¹ Притч. 19: 17. – Здесь и далее примеч. перев.

неожиданным наплывом самодовольства о некоторых своих тайных вложениях, которые не приносили дохода, но обеспечивали благодарность нуждающихся.

Арчи и Мак явно остались довольны и тут же со всем энтузиазмом и великодушием юных сердец пообещали помогать и советом, и делом. Стив покачал головой и ничего не сказал, а юноши, стоявшие на ковре, тут же посоветовали Розе основать лечебницу для больных лошадей, собак, белых мышей и раненых героев.

– А как ты считаешь, Чарли: это лучшее поприще для женщины, чем танцы, наряды и охота за женихами? – спросила Роза, заметив, что он промолчал: ей важно было заслужить его одобрение.

– Полагаю, какое-то время это будет очень мило, да мне и не представить себе ничего более очаровательного, чем прелестная девушка в скромном капоре, которая обходит нуждающихся и озаряет дома бедняков светом красоты и доброжелательности. К счастью, все эти милочки быстро устают от таких занятий, но в процессе оно выглядит просто божественно.

Чарли говорил со смесью восхищения и презрения и закончил речь с покровительственной улыбкой, как будто давно постиг все невинные заблуждения, равно как и хитроумные уловки женского пола, и ничего иного от женщин не ждал. Розу это одновременно и удивило, и огорчило – не такого она ждала от Чарли, каким знала его два года назад. Она

лишь добавила, бросив на него взгляд, полный укора, гордо поведя рукой и тряхнув головой – будто отметая предмет разговора, к которому не проявили должного уважения:

– Мне очень жаль, что ты столь низкого мнения о женщинах. А ведь когда-то ты в них верил всею душой.

– И сейчас верю, вот клянусь тебе! Нет у них второго столь преданного поклонника и раба. Вот испытай меня – сама увидишь! – воскликнул Чарли, галантно посылая всему женскому сословию полувоздушный поцелуй.

Но Розу это не убедило, и она презрительно повела плечами, а потом ответила – причем выражение ее лица совсем не понравилось его превосходительству:

– Большое спасибо. Я не нуждаюсь ни в поклонниках, ни в рабах, мне нужны друзья и помощники. Я очень долго жила рядом с мудрым и добродетельным человеком, так что угождать мне, пожалуй, не так-то просто, но я не намерена снижать планку, и всякий, кто ищет моего расположения, должен хотя бы сделать попытку до нее дотянуться.

– Ого! Экая задиристая птичка! Мак, подойди-ка, пригладь ей перышки. А я постою в сторонке – как бы ее еще чем не обидеть. – И Чарли удалился в соседнюю комнату, горько сожалея про себя, что дядя Алек испортил красивую девушку, привив ей этакое упрямство.

Через пять минут он уже пожалел о своем уходе, потому что в ответ на какие-то слова Мака раздался взрыв хохота, а когда Чарли глянул через плечо, «задиристая птичка»

щебетала так мило и миролюбиво, что ему страшно захотелось вернуться и поучаствовать в общем веселье. Но Чарли сильно избаловали, ему трудно было признавать собственные ошибки, даже совершенно очевидные. Он всегда рано или поздно добивался желаемого, а поскольку давно уже решил, что Роза и ее состояние достанутся именно ему, он втайне не одобрял новые планы и идеи юной барышни, утешаясь лишь тем, что она скоро изменит свои взгляды – когда поймет, что все это совсем не модно и крайне затруднительно.

Чтобы поразмышлять без помех о дивном будущем, возникшем в его воображении, Чарли поудобнее устроился в уголке дивана, поближе к мамочке, но тут на столе появилась «легкая закуска», и две группы немедленно объединились в одну. Бабушка Изобилия вообще придавала большое значение пище и питию, и любой повод собраться за столом доставлял особое удовольствие этой гостеприимной старушке – а уж в нынешней, исключительно радостной ситуации она превзошла саму себя.

И вот по ходу этого неофициального банкета Роза, переходившая от одного восторгавшегося ею родственника к другому, набрела на троих младших, которые тихонько волтужили друг друга в укромном уголке.

– Идите сюда, дайте взглянуть на вас как следует! – подозвала она шалунов, ибо подозревала, что, если не восстановить между ними мир, воспоследуют изобличение и публич-

ный позор.

Торопливо оправив одежду, трое юных джентльменов представили ей на обозрение разбурмавившиеся довольные физиономии; для них оказалось особой честью выполнить ее распоряжение.

– Боже мой, как же вы оба выросли! Ну и здоровые! Посмели на голову меня перерастить! – возмутилась Роза и, встав на цыпочки, погладила две кудрявые головы, ибо Уилл и Джорди вытянулись, как два кукурузных стебля, и с радостной улыбкой взирали на нее сверху вниз – она же обзревала их ласково и лукаво.

– Кэмпбеллы – ребята крепкие, рослые, но мы собираемся всех превзойти. Может, и до шести футов дорастем, как дедушка, – гордо объявил Уилл, больше похожий на молодого петушка: малюсенькая головка на длинных ногах; Роза едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

– А как вырастем – и в плечах расширимся. Мы уже на полголовы выше Стива, причем оба, – добавил Джорди, гордо задрал нос.

Роза оглянулась, чтобы посмотреть на Стива, а потом с неожиданной улыбкой поманила его к себе. Он отшвырнул салфетку и бросился на зов, ибо она нынче была королевой бала и он готов был служить ей верой и правдой до самого конца времен.

– Попроси других тоже подойти. Такая у меня причуда – выстроить вас в ряд и как следует осмотреть, как вы осмат-

ривали меня в тот страшный день, когда перепугали до полусмерти, – сказала Роза и засмеялась собственным воспоминаниям.

Мальчишки явились все как один, встали плечом к плечу – и выглядели в строю столь импозантно, что молодая военачальница в первый момент даже слегка смутилась. Впрочем, новообретенный жизненный опыт научил ее не смущаться по пустякам, а желание подвергнуть их чисто девическому испытанию придало ей храбрости – она взглянула на шеренгу улыбающихся кузенов с достоинством и выдержкой.

– Ну ладно, буду теперь разглядывать каждого, как вы когда-то разглядывали меня. Таково мое отмщение всем вам, семерым негодникам, за то, что вы загнали в угол бедную девчушку, да еще и радовались ее испугу. Я вас теперь совсем не боюсь, так что вострепещите!

И с этими словами Роза взглянула Арчи в лицо и одобрительно кивнула, ибо он обратил на нее бестрепетный взгляд своих серых глаз – они постепенно смягчились, что было Арчи очень к лицу, потому что от природы он был наделен скорее доблестью, чем добротой.

– Истинный Кэмпбелл! Да хранит тебя Господь! – заключила Роза и с чувством пожала ему руку.

Следующим в ряду стоял Чарли, и этот осмотр не принес Розе того же удовлетворения, хотя она и сама не сознавала почему: на лице его вдруг проступила дерзость, но быстро сменилась чем-то более теплым, чем гнев, более сильным,

чем гордость, – Роза невольно чуть отпрянула и поспешно произнесла:

– Нет здесь больше того Чарли, которого я знала до отъезда, а вот Принц, похоже, никуда не делся.

После чего она с облегчением шагнула к Маку, мягко сняла его «гляделки», как их именовал Джейми, и заглянула в честные голубые глаза, смотревшие на нее с прежним прямодушием, с искренней дружеской приязнью, от которой на сердце у нее потеплело, а собственные глаза заблестели; она вернула Маку очки и произнесла, видом и голосом выражая теплоту и удовлетворение:

– Ты не изменился, славный мой Мак, и я так этому рада!

– Ну а мне скажи что-нибудь особенно милое, потому что я краса нашего семейства! – потребовал Стив, шевеля светлыми усиками, явно составлявшими его особую гордость.

Роза сразу поняла, что Денди сильнее прежнего заслуживает своего прозвища, и тут же умерила его тщеславие, ответив с лукавой усмешкой:

– Ну, если хохлатого петушка можно считать красой семейства...

– Ага! Получил! – возрадовался Уилл.

– Только нас так не надо, пожалуйста, – прошептал Джорди, прекрасно сознавая, что дальше их очередь.

– Вы, стебельки мои бобовые! Я вами очень горжусь, только не растите так быстро, а то ведь скроетесь из виду, да и стыдно вам будет смотреть женщине в лицо! – отвечала Ро-

за, нежно погладив по щечке обоих застенчивых юных великанов, ибо оба они были красны, как пионы, – притом что мальчишеские глаза сохраняли безмятежность и чистоту летних озер.

– А теперь моя очередь! – Джейми попытался выглядеть как можно мужественнее, сознавая, что во многом пока уступает своим рослым родичам.

Ему, впрочем, выпала совершенно особая честь, которую оценили все присутствовавшие: Роза обняла его, поцеловала и произнесла:

– Ну, теперь ты будешь моим мальчиком – остальные уже выросли, а мне необходим верный паж, который будет исполнять все мои поручения.

– Буду, буду, а еще я на тебе женюсь, ты только дождись, пока я вырасту! – воскликнул Джейми, которому такая завидная роль явно вскружила голову.

– Господи, да о чем ты, малыш? – рассмеялась Роза, глядя сверху вниз на своего маленького рыцаря, – он, преисполнившись пылкой благодарности, так и прижимался к ней.

– Ну, я слышал, как тетушки говорят: тебе лучше выйти замуж за одного из нас, чтобы собственность осталась в семье, вот я и решил первым сделать тебе предложение, потому что ты меня очень любишь, а я люблю кудрявых.

Бедняга Джейми! Едва с его невинных губ сорвались эти неподобающие слова, как Уилл и Джорди налетели на него, точно смерч, и вытолкали из комнаты – вопли несчастно-

го долго доносились из комнаты пыток, где его подвергали всевозможным наказаниям, из которых пребывание в ящике для хранения скелета оказалось едва ли не самым мягким.

На тех несчастных, что остались на месте, накатил приступ отчаяния, однако смятение их длилось недолго, потому что Роза отпустила их, отдав короткий приказ, причем такого выражения лица они раньше никогда у нее не видели:

– Свободны! Смотр завершен.

И она отошла в сторону, к Фиби.

– Вот ведь негодник! Не могли его остановить или заткнуть? – негодовал Чарли.

– Все еще впереди, – посулил бедняга Арчи, который, вообще-то, отвечал за воспитание мелкого нечестивца, но преуспел не более, чем большинство родителей и опекунов.

– Надо сказать, сцена была крайне неприятная, – проворчал Стив, явственно ощущавший, что не сумел по ходу ее отличиться.

– Истина, как правило, неприятна, – сухо заметил Мак и вышел с обычной своей чудаковатой улыбкой на лице.

В этот переломный момент дядя Алек, заподозрив, что случился разлад, предложил послушать музыку, и молодые люди решили, что это крайне своевременная мысль.

– Хочу, чтобы вы послушали обеих моих птичек, ибо они немало усовершенствовались и я обеими очень горжусь, – сказал доктор, поднимая повыше сиденье стула у пианино и доставая старинный сборник нот.

– Только я первая, потому что, послушав соловья, вы не оцените канарейку, – вызвалась Роза, которой на деле хотелось успокоить Фиби: та сидела красивая, как картинка, но все время молчала и явно стеснялась, вспоминая те дни, когда место ее было на кухне.

– Сыграю вам несколько славных старинных песенок, которые вы когда-то так любили. Кажется, вот эта вам нравилась больше всех. – Роза села к инструменту и запела первую пришедшую ей на память мелодию; пела она недурно, в приятной, но отнюдь не совершенной манере.

Прозвучала песенка «Березки в Аберфелди» – и все отчетливо вспомнили те времена, когда Мак болел, а Роза за ним ухаживала. Для нее то были приятные воспоминания, и взгляд ее невольно обратился к бывшему страдальцу. Мак сидел неподалеку, причем так же, как и в прежние времена, когда был расстроен и пытался утешиться: верхом на стуле, опустив голову на руки, – принять эту позу его, видимо, заставила знакомая песня. Роза смотрела на него, и сердце наполнялось нежностью – она решила, что ему-то уж она готова простить что угодно, потому что у него точно нет никаких корыстных видов на эти ее докучные капиталы.

Чарли впал в задумчивость и не сводил с Розы глаз, полных нежного восхищения, – она невольно рассмеялась, хотя и пыталась сделать вид, что ничего не замечает. Ее одновременно и забавляло, и смущало его явственное желание напомнить ей некоторые сентиментальные моменты из послед-

него года их детства – и превратить то, что она всегда считала ребяческими забавами, в подлинно романтические отношения. Но Роза относилась к любви чрезвычайно серьезно и не имела никакого намерения затевать даже самый невинный флирт со своим очаровательным кузенком.

В результате все авансы Чарли оставались незамеченными, и он уже начал потихоньку закипать, но тут запела Фиби, заставив его забыть про все от восхищения. Пение это застало всех врасплох, ибо два года обучения за границей после нескольких лет домашнего образования сотворили чудеса и дивный голос, который когда-то весело витал над чайниками и кастрюлями, теперь выводил прелестные ноты, складывая их в нежную мелодию, вызывавшую в слушателях сочувственный трепет. Роза так и сияла от радости, аккомпанируя своей подруге, Фиби же унеслась в свой особый мир, бесконечно прекрасный, в котором не было гнетущих воспоминаний о работном доме и кухне, невежестве и неприкаянности, в счастливый мир, где она могла быть самою собой и властвовать над сердцами благодаря магии своего изумительного дара.

Да, Фиби стала той, кем стать ей было предназначено, и сколь разительная перемена произошла в ней с первыми же звуками музыки! Исчезли робость и скованность, исчезла миловидная девушка – она превратилась в цветущую женщину, полную жизни и воодушевления, дарованного ей ее искусством: она мягко сложила ладони, устремила глаза к

свету, и песня лилась из ее груди с незамысловатой радостью, с какой льется у жаворонка, взмывшего к солнцу.

– Да уж, Алек, таким голосом можно вырвать у мужчины сердце! – воскликнул дядя Мак, утирая глаза, – как раз прозвучала жалостливая баллада, из тех, которые не устаревают никогда.

– Так она и вырвет! – посулил довольный дядя Алек.

«Уже вырвала», – подумал Арчи; то была правда, ибо именно в этот миг он и влюбился в Фиби. Именно так – он точно зафиксировал время, потому что в четверть десятого он всего лишь считал ее весьма привлекательной молодой особой, в двадцать минут десятого – самой прекрасной женщиной из всех, какие ему встречались, в двадцать пять минут – ангелом, песней своей унесшим прочь его душу, а в половине десятого он погиб окончательно и уплыл по упительному морю в недолговечный рай на земле, куда обычно выносит влюбленных после первого отчаянного броска в волны.

Если бы об этой удивительной коллизии заговорили вслух, никто бы не поверил; тем не менее истины не изменишь: трезвомыслящий деловитый Арчи вдруг обнаружил в глубинах своего доселе бестрепетного сердца такие бездны романтики, что даже и сам удивился. В первый момент он не понял, что с ним произошло, и долго сидел в прострации – и при этом не видел, не слышал и не ведал ничего, кроме Фиби, и когда его ничего не подозревавший кумир скромно

принимал заслуженные похвалы, в них образовался пробел, ибо Арчи не сказал ни слова.

Так выглядело первое удивительное событие этого вечера; второе состояло в том, что Мак сделал Розе комплимент – факт беспрецедентный, а потому вызвавший настоящую сенсацию, хотя и услышал Мака лишь один человек.

Все уже разошлись, за исключением Мака и его отца: тот заканчивал разговор с доктором. Тетушка Биби пересчитывала в столовой чайные ложки, а Фиби помогала ей по старой привычке. Мак и Роза остались одни: он погрузился в некие мрачные размышления, облокотившись о каминную полку, она же полулежала в низеньком кресле и задумчиво смотрела в огонь. Роза устала и наслаждалась долгожданным покоем, поэтому молчала, и Мак из уважения тоже не раскрывал рта. Но вот Роза заметила, что Мак смотрит на нее во все глаза и даже во все очки, и, не меняя удобной позы, осведомилась с улыбкой:

– Вид у него мудрый, как у совы; интересно, о чем он думает?

– О тебе, кузина.

– Надеюсь, мысли хвалебные?

– Я думаю, что Ли Хант² был более или менее прав, когда сказал: «Девушка – сладчайшее из всех творений Господа».

– Да ну тебя, Мак! – Роза рывком села, и на лице у нее отразилось удивление – она никак не ждала таких слов от

² Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский литератор и критик.

юного философа.

Мак, которого явно заинтересовало его новое открытие, невозмутимо продолжал:

– Знаешь, я вроде как никогда раньше не видел ни одной девушки – или просто не признавал, как приятно на них смотреть. Сдается мне, Роза, ты представляешь собой исключительно достойный образец.

– А вот и нет! Я просто бодрая и веселая, а еще, наверное, слегка похорошела дома, в безопасной гавани, а вот красотой не отличаюсь, разве что в дядюшкиных глазах.

– Ну, пусть будет «бодрая и веселая», – согласился Мак, старательно обдумывая ее слова. – По моим наблюдениям, девушки по большей своей части болезненны и глупы, – видимо, поэтому ты мне и приглянулась.

– Мальчишки все странные существа, но ты страннее всех! Ты правда хочешь сказать, что не любишь и не замечаешь девушек? – удивилась Роза, которую немало позабавила эта новая причуда ее ученого кузена.

– По сути, нет; мне известны лишь две разновидности – шумные и тихони. Вторые мне нравятся больше, но, если говорить в целом, я их не замечаю, как и мух, пока они не начинают виться вокруг – тогда приходится их отгонять, а если не помогает, прятаться.

Роза откинулась на спинку кресла и хохотала до слез. Так утомительно было слушать Мака, понизившего на последних словах голос до заговорщицкого шепота, и смотреть, как

он ехидно улыбается, вспоминая муки, которых сумел избежать.

– Вот и не смейся, потому что оно так и есть. Чарли нравятся эти создания, и они страшно его избаловали. Стив, понятно, и в этом ему подражает. Арчи, когда не вывернуться, превращается в их покорного раба. А вот я почти никогда не попадаюсь им в руки, когда же им удастся меня изловить, пускаюсь рассуждать о науке и мертвых языках – и они очень быстро пускаются наутек. Впрочем, иногда попадаются девушки с головой, с ними я прекрасно лажу.

– Грустная перед нами с Фиби открывается перспектива, – вздохнула Роза, стараясь не рассмеяться.

– По Фиби видно, что она тихоня. С другой стороны, она явно с головой – иначе ты бы с ней не дружила. Внешне она тоже вполне привлекательна, так что, полагаю, придется мне по душе. Что до тебя, я участвовал в твоём воспитании, а потому мне не терпится узнать, какой ты выросла. Я боялся, что поездка за границу тебя испортит, однако, похоже, этого не произошло. Короче говоря, пока ты кажешься мне вполне приемлемой, – надеюсь, ты не против такого определения. Впрочем, в чем именно заключается твой шарм, я пока не понял. Видимо, речь идет о некоей внутренней привлекательности – раз уж ты настаиваешь на том, что внешней лишена.

Мак устоял на кузину с проницательной улыбкой на губах, но в глазах за стеклами очков светилась такая доброта,

что Розе и слова его, и взгляд пришлись в высшей степени по душе, и она приветливо ответила:

– Я рада, что ты меня одобряешь, и поныне признательна за то, как ты заботился обо мне на заре моей юности. Надеюсь, что не посрамлю твоих ожиданий, и рассчитываю, что ты и дальше будешь за мною следить – ибо мне страшно, что меня здесь совсем избалуют.

– Буду следить, но при одном условии, – откликнулся юный наставник.

– Каком именно?

– Если у тебя заведется множество поклонников, я тут же умою руки. Если нет – я весь твой.

– Тогда придется тебе поработать овчаркой и отгонять их прочь, потому что мне лично они пока ни к чему, а кроме того, между нами говоря, боюсь, их и не появится, когда станет известно, как я упряма. Упрямство их отпугнет не хуже желтого флага³, – сообщила Роза, ибо благодаря попечительству доктора Алека никогда не тратила ни времени, ни душевных сил на глупый флирт, на который очень многие девушки растрачивают всю свою молодость.

– Гм! Я в этом сомневаюсь, – пробормотал Мак, окидывая взглядом сидевшую перед ним барышню.

Никто бы не сказал по ее виду, что она так уж упряма, а кроме того, вопреки собственным ее возражениям, продиктованным скромностью, она была очень хороша собой. Кра-

³ Желтый флаг на морских судах означает «на борту карантин».

сива самой подлинной красотой, ибо благородство натуры придает утонченное очарование цветению юности, здоровой свежести, невинности души, женственную прелесть которой Мак ощущал, но не мог описать. Ласковость сочеталась в Розе с внутренней энергией, а еще она так и светилась искренностью, которая наводит на самые светлые мысли и вселяет надежду, что подобным цветам в человеческом облике уготованы кристально чистый воздух небес и теплый солнечный свет – пусть цветут вволю.

– Поживем – увидим, – ответила Роза, а потом, услышав в коридоре дядин голос, подняла руку и любезно добавила: – Старые времена возвращаются, так что приходи в гости поскорее, чтобы рассказать о своих делах и поспособствовать мне в моих – как оно было и раньше.

– Так ты не против? – уточнил Мак, явно очень обрадованный.

– Совсем не против. Ты почти не изменился, вот разве что стал большим, однако никакой неловкости я рядом с тобой не ощущаю – и хочется двигаться дальше с той самой точки, где мы остановились.

– Просто здорово. Спокойной ночи, кухня. – И, к вящему ее удивлению, он ласково ее поцеловал.

– Ну нет, вот это вовсе не в духе старых времен! – воскликнула Роза, отступив на шаг в радостном замешательстве, а дерзкий юнец изобразил легкое удивление и с невинным видом поинтересовался:

– Разве мы не всегда желали друг другу спокойной ночи именно так? Мне помнится, что да, вот я и начал с той самой точки.

– Нет, конечно. Ты бы в былые времена не пошел на это ни за какие блага мира, и ты сам прекрасно это знаешь. В первый вечер я не против, но, вообще-то, мы уже слишком взрослые для подобных вольностей.

– Ладно, запомню. Полагаю, все дело в силе привычки – и я уверен, что именно так и поступал в былые времена, ведь это так естественно! Да, папа, иду! – И Мак удалился, явно уверенный в собственной правоте.

– Славный дружище! Мальчишкой был, мальчишкой и остался, и меня это утешает, ибо некоторые из них повзрослели слишком быстро! – пробормотала Роза себе под нос, вспоминая сентиментальный вид Чарли и замороженное выражение на лице у Арчи, когда он слушал пение Фиби.

Глава 2

Новые лица старых друзей

– До чего же здорово опять оказаться дома! Сама не понимаю, как мы решились отсюда уехать! – воскликнула Роза на следующее утро: она бродила по дому с тем особым удовлетворением, с каким человек забирается в знакомые уголки и закоулки и обнаруживает, что там ничего не изменилось.

– Уехали мы ради того, чтобы так вот порадоваться возвращению, – ответила Фиби, которая шагала по коридору рядом со своей молодой хозяйкой не менее счастливая.

– Тут ничего не изменилось с нашего отъезда, на месте даже лепестки розы, которые мы сюда засовывали, – продолжала Роза, заглядывая в один из расставленных по залу высоких индийских кувшинов.

– А ты помнишь, как Джейми и Нося играли в «Сорок разбойников», ты попыталась спрятаться вон в том, синем, и застряла – и остальные мальчишки нас отыскивали прежде, чем я сумела тебя вытащить? – со смехом вспомнила Фиби.

– Да, помню, и, кстати, кажется, ангелы наши легки на помине: я слышу шелест их крыльев, – сказала Роза, ибо снаружи донеслись пронзительный свист и топот копыт.

– Цирк! – радостно воскликнула Фиби – обеим вспомнились красная повозка и первое вторжение Клана.

Мальчик в семье остался, увы, только один, но шуму от него было на полдюжины: Роза не успела добежать до двери, а Джейми уже влетел, приплясывая, в дом, с «лицом сияющим, как утро», спортивной битой через плечо, в бело-красной кепочке, с мячом в одном оттопыренном кармане и запасом печенья в другом; а еще у него был полон рот яблока, которое он дожевывал второпях.

– Доброе утречко! Зашел убедиться, что ты действительно вернулась, и проверить, что у тебя все в порядке, – доложил он, одновременно очень ловко отсалютовав битой и стянув с головы яркую кепку.

– Доброе утро, мой славный. Да, мы действительно вернулись и по мере сил принаравливаемся к здешней жизни. Но экий же ты разнаряженный, Джейми! Ты у нас теперь член пожарной команды или жокейского клуба? – поинтересовалась Роза, приподнимая к себе личико, некогда круглое и пухлое, а теперь посмуглевшее и приобретающее угловатость.

– Нет, мадам! Как, ты ничего не знаешь? Я капитан бейсбольной команды! Вот, посмотри-ка! – И Джейми – с таким видом, будто речь шла о деле государственной важности – распахнул курточку и продемонстрировал на гордо выпяченной груди красную фланелевую нашивку в форме сердца, украшенного белой хлопковой звездой размером с блюдце.

– Здорово! Я столько времени провела за границей, что и забыла о существовании такой игры. Так ты капитан? –

воскликнула Роза, тут же возгордившись честью, оказанной ее родичу.

– Именно так, и это, уж ты мне поверь, дело нешуточное, потому что ставить на поле синяки и выбивать зубы мы умеем не хуже больших. Приходи между часом и двумя на Пустырь – у нас там матч будет, сама увидишь, какая это нелегкая работа. Идем на лужайку – научу тебя управляться с битой, – предложил Джейми, которому не терпелось продемонстрировать свои умения.

– Нет уж, капитан, благодарствуйте. Трава мокрая, а ты опоздаешь в школу, если здесь задержишься.

– Ну и пусть. Девчонки, вообще-то, мало на что годны, но ты раньше не боялась промокнуть и в крикет играла неплохо. Что, разучилась? – спросил мальчик, бросив полный жалости взгляд на представительницу неполноценного пола, отлученного от радостей и опасностей подлинно мужского спорта.

– Бегаю я не хуже прежнего. Побежали до ворот – спорим, я тебя обгоню! – И, поддавшись внезапному порыву, Роза помчалась вниз по ступенькам – изумленный Джейми не сразу опомнился и пустился вдогонку.

Задержался он ненадолго, но Роза успела получить фору, и хотя маленький пони мчался изо всех сил, до цели она добралась первой; там и стояла, смеясь и отдуваясь, разругавшись от свежего октябрьского воздуха, – прелестная картинка, представшая нескольким проезжавшим мимо

джентльменам.

– Молодчина, Роза! – похвалил Арчи, спешиваясь, чтобы пожать ей руку. Уилл и Джорди отсалютовали, а дядя Мак посмеялся, потому что вид у Джейми был такой, будто «девчонки» хоть немного, да выросли в его глазах.

– Рада, что это именно вы, – вас этим не шокируешь. А я так радуюсь возвращению, что даже позабыла, что я уже не малышка Роза, – объявила Аталанта⁴, приглаживая разметавшиеся волосы.

– Ты очень на нее похожа, когда кудри падают тебе на плечи, как в старые времена. Мне вчера их очень не хватало, и я гадал – целы ли они? Как дядюшка и Фиби? – поинтересовался Арчи, взгляд которого все это время был устремлен на открытую площадку, где среди красных листьев жимолости просматривалась женская фигурка.

– Спасибо, все в добром здравии. Может, зайдете убедиться лично?

– Не можем, милочка, никак не можем. У нас, знаешь ли, дела. Он теперь моя правая рука, у него каждая минутка на счету. Садись, Арчи, едем дальше, а то мальчишки на поезд опоздают, – поторопил дядя Мак, доставая часы.

В последний раз переведя взор со светловолосой фигурки у ворот на темноволосую среди плетей жимолости, Арчи тронулся с места, а Джейми поскакал следом, утешая себя за

⁴ *Аталанта* – героиня древнегреческой мифологии, прославившаяся своей красотой и быстротой в беге.

проигрыш с помощью второго яблока.

Роза немного постояла, ей очень хотелось бежать дальше и навестить всех тетюшек по очереди, но она вспомнила, что голова у нее непокрыта, и собралась было назад в дом, но тут бодрое «Привет! Привет!» заставило ее поднять глаза, к ней широким шагом приближался Мак, на ходу размахивая шляпой.

– От Кэмпбеллов нынче утром просто отбою нет, хотя чем больше, тем лучше, – сказала Роза, кидаясь ему навстречу. – У тебя вид старательного школьника, который шагает на занятия и на ходу повторяет урок, – добавила она с улыбкой, потому что Мак вытащил палец из книги, которую явно читал, а саму книгу засунул под мышку, как делал много лет назад.

– Я и есть школьник и хожу в самую свою любимую школу, – ответил Мак, помахивая пухлым букетом из астр и будто бы указывая на окружавший их дивный осенний пейзаж – изумительные краски, свежий воздух, мягкий солнечный свет.

– Кстати, я вчера ничего не успела узнать про твои планы, потому что остальные мальчики говорили все хором, а тебе удавалось лишь изредка вставить словечко. Кем ты решил стать, Мак? – спросила Роза, когда они бок о бок зашагали по аллее.

– Сперва – мужчиной, причем по возможности достойным. А там – как Господь распорядится.

Что-то и в тоне его голоса, и в словах заставило Розу стремительно взглянуть Маку в лицо – и ей предстало совершенно новое выражение. Описать его сложно, но Роза испытала то же чувство, которое всегда испытывала, когда расступалась дымка, являя взору гребень горы, величественно сияющий в выси на фоне синего неба.

– Мне кажется, тебя ждет что-то изумительное, потому что ты выглядишь настоящим героем, когда вот так вот идешь под аркой из желтых листьев и солнце светит тебе в лицо! – воскликнула Роза под влиянием охватившего ее восхищения, которого она доселе не испытывала: ведь из всех кузенов Мак был самым неказистым.

– Ну, этого я не знаю, но у меня есть свои чаяния и мечты, среди них и довольно дерзновенные. Как говорится, ставь великие цели – и иди к ним не отступая. – Мак посмотрел на астры и улыбнулся про себя, как будто поделившись с ними некой сердечной тайной.

– Ты нынче чудаковатее обычного. Но мне нравится твоя целеустремленность, и я надеюсь, что все у тебя получится. Но ведь определиться нужно в ближайшее время, верно? Я думала, ты будешь изучать медицину под руководством дядюшки, – ты же помнишь, был у нас такой план.

– Да, буду, по крайней мере пока, потому что совершенно с тобой согласен: у человека должен быть якорь, негоже ему скитаться по морю воображения без надежного балласта. Мы с дядей вкратце это обсудили вчера вечером, я на-

мерен как можно скорее приступить к занятиям – довольно уже пустых грез.

Мак встряхнулся и бросил милый букетик на землю, прибавив почти про себя:

Не брани меня, мой свет,
Что принес тебе цветы:
Астры сложены в букет,
Как в грядущий день – мечты⁵.

Роза расслышала и улыбнулась, одновременно подумав про себя: «Ага, он, кажется, дорос до сентиментального возраста, да и тетя Джейн его, видимо, наставляла. Ах господи, какие же мы уже большие!»

– Вот только вид у тебя такой, будто эта перспектива тебе не очень по душе, – сказала она вслух, потому что Мак засунул томик Шелли в карман, а выражение восторга исчезло с его лица без следа – Роза даже подумала, что не было за дымкой никаких горных вершин.

– Ну да, действительно, я всегда считал эту профессию чрезвычайно благородной, да и где найдешь лучшего учителя, чем дядя? Я в последнее время что-то разленился, давно пора заняться чем-то полезным, вот пойду и займусь. – И Мак исчез за дверями кабинета, Роза же отправилась в комнату бабушки Изобилии, где ее ждала Фиби.

⁵ Строки из стихотворения американского эссеиста, философа и поэта Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882) «Оправдание» («The Apology»).

Славная старая дама только что выбрала – после долгих и пылких обсуждений, – какой из шести любимых ее пудингов подать к ужину, так что теперь могла потратить несколько минут на сентиментальность; поэтому, когда Роза вошла, бабушка раскрыла ей объятия и ласково произнесла:

– Не привыкнуть мне к мысли, что деточка моя вернулась, пока я не подержу ее на коленях. Нет-нет, вовсе ты не тяжелая, ревматизм меня начнет мучить только с ноября, так что присядь, золотце мое, и обхвати меня руками за шею.

Роза послушалась, и они помолчали немного – старая женщина прижимала молодую к себе, утоляя двухлетний голод своего нежного сердца ласками, которыми представительницы слабого пола одаривают только тех, кто им особенно дорог. Но потом она прервала поцелуй на середине и, вытянув руку, перехватила Фиби – та пыталась незаметно выскользнуть из комнаты.

– Не уходи, душенька, любви моей хватит на вас обеих, – правда, места на коленях нет. Как же я счастлива, что родные мои девочки благополучно вернулись домой, я от этого прямо сама не своя, – заворковала бабушка Изобилия и обняла Фиби так сердечно, что та почувствовала: ее не бросили одну на холоде; она стояла рядом, и в ее черных глазах сверкали слезы несказанного счастья.

– Ну-ну, пообнимались вдоволь – у меня на душе опять хорошо стало. Роза, привела бы ты в порядок этот капор: я вчера ложилась спать в такой спешке, что вытянула из него

ленту, да так и бросила кое-как. Фиби, милочка, а ты бы вытерла пыль тут и там, вот как раньше, – после твоего отъезда некому это сделать так, как мне нравится, а еще очень мне будет любо, если ты расставишь мои безделушки поаккуратнее, как ты это умеешь, – попросила пожилая дама и встала – ее румяное морщинистое лицо сильно посвежело.

– И здесь вытереть пыль? – осведомилась Фиби, бросая взгляд в сторону внутренней комнаты, где раньше тоже отвечала за порядок.

– Нет, душенька, здесь я лучше сама. Можете, если хотите, зайти, там ничего не изменилось. А мне надобно доглядеть за пудингом. – И бабушка Изобилия засеменила прочь, причем голос ее дрогнул от избытка чувств, так что последние слова прозвучали совсем жалобно.

Девочки помедлили на пороге, как будто входили в святилище, и глаза их тут же заволокло слезами, ибо впечатление было такое, будто славная обительница комнаты покинула ее лишь на миг. Солнечный свет падал на старые герани у окна; мягкое кресло стояло на обычном месте, на спинке висела белая накидка, рядом лежали выцветшие домашние туфли. Книги и рабочая корзинка, вязанье и очки остались на своих местах, а дивный покой, который всегда наполнял эту комнату, казался столь естественным, что обе невольно повернули голову к кровати, с которой бабушка Мира некогда приветствовала их улыбкой. Но не оказалось на подушке ласкового морщинистого лица, и по цветущим ще-

кам девушек покатались слезы – причем плакали они не по ушедшей, а по оставшейся, потому что взорам их предстало нечто, красноречиво свидетельствовавшее о любви, которая способна пережить смерть и придать красоту и святость самым обыденным вещам.

Рядом с кроватью стояла низенькая скамеечка, а на пышной белизне покинутой постели образовалась вмятина – сюда бабушка Изобилия ежевечерне опускала свою седую голову и произносила молитвы, которым семьдесят лет назад ее научила мать.

Девушки тихо затворили дверь, не обменявшись ни словом. И пока Фиби наводила в комнате безупречнейший порядок, Роза вернула прежний вид простому белому капору, на котором не колыхались более розовые и желтые ленты; обе девушки гордились порученным им делом, и душу им согревала мысль о безграничной любви и благочестии, озарявших жизнь добродетельной старушки.

– Душенька моя, как же я рада твоему возвращению! Знаю, еще жуть как рано, но не могла больше медлить ни секундочки. Позволь тебе помочь, и я просто умру, если не увижу твои прелестные покупки! Я видела, вы привезли несколько сундуков – там наверняка всё сплошные сокровища! – на одном дыхании выпалила час спустя Ариадна Блиш, заключая Розу в объятия и обводя взглядом комнату, по которой было разложено множество занятных вещей.

– Как ты прекрасно выглядишь! Присядь, я покажу тебе

замечательные фотографии. Дядя отобрал для меня самые лучшие, смотреть их – настоящее упоение, – ответила Роза, выкладывая на стол стопку снимков и озираясь в поисках остальных.

– Нет уж, спасибо! У меня времени совсем чуточка, а на это уйдет много часов. Покажи мне, милочка, свои парижские платья – мне смерть как хочется узнать, что теперь носят! – И Ариадна бросила алчный взгляд на объемистые коробки, в которых наверняка таилась французская роскошь.

– Я ни одного не купила, – призналась Роза, любовно оглядывая, прежде чем убрать, прекрасные фотографии.

– Роза Кэмпбелл! Ты хочешь сказать, что не обзавелась в Париже ни одним платьем? – воскликнула Ариадна, скандализованная одной мыслью о подобном пренебрежении.

– Для себя ни одним. Тетя Клара заказала несколько штук, и ей наверняка будет очень приятно в них покрасоваться, когда их доставят.

– Упустить такую возможность! Прямо в Париже и с кучей денег в кармане! Как ты способна после подобной жестокости по-прежнему любить своего дядюшку? – вздохнула Ариадна, и лицо ее исполнилось сострадания.

Роза явно озадачилась, потом вроде бы поняла, что к чему, и добродушно-покровительственным тоном, который был ей очень к лицу, пояснила, открывая коробку с кружевом:

– Дядя мне ничего не запрещал, да и денег у меня было

достаточно; я сама приняла решение не тратиться на подобные вещи.

– Могла – и не купила! Поверить не могу! – Ариадна опустилась в кресло, будто обессилев от самой этой мысли.

– Сначала мне вроде и хотелось, это же забавно. Я даже пошла посмотрела несколько красивых нарядов. Но они оказались очень дорогими, очень вычурными, совсем не в моем вкусе, поэтому я решила от них отказаться и сохранить то, что для меня дороже всех нарядов на свете.

– И что же, позволь спросить? – вскричала Ариадна, надеясь в ответ услышать: бриллианты.

– Дядюшкино доброе мнение, – ответила Роза, задумчиво глядя в глубины коробки, где лежала милейшая картинка, которая всегда будет напоминать ей о победе над собственным девическим тщеславием, ибо она сумела не только сохранить, но и приумножить «дядюшкино доброе мнение».

– Ну надо же! – фыркнула Ариадна и принялась разглядывать кружева, привезенные для бабушки Биби; Роза же все с той же счастливой улыбкой на лице полезла в очередной сундук.

– Дядя считает, что тратить деньги на подобные вещи вредно, при этом он очень щедр и любит дарить другим полезные, красивые и занятные подарки. Вот, смотри, все эти прелестные украшения мы привезли для подарков, и ты можешь выбрать себе любое!

– Ах, какой он милочка! – воскликнула Ариадна, впив-

шись взглядом в разложенные перед ней безделушки из хрусталя, филиграни, кораллов и мозаики; к вящему ее удовольствию, Роза добавила еще несколько со вкусом подобранных пустячков прямиком из Парижа.

– А теперь скажи: когда вы будете праздновать твой первый выход в свет? Спрашиваю, потому что у меня ничего не готово, мне понадобится много времени, ибо, полагаю, это станет главным событием сезона, – выпалила Ариадна несколько минут спустя, мучительно колеблясь между комплектами из розового коралла и из голубого лавового камня.

– Я уже бывала в европейском свете, но, полагаю, бабушка Биби захочет устроить какое-то празднество в честь нашего возвращения. Начну я так же, как намереваюсь и продолжать: праздник будет простой, в дружеском кругу, причем я приглашу всех, кого мне хочется, вне зависимости от того, к какому «слою» они принадлежат. Я не жалею прослыть разборчивой аристократкой, так что готовься к потрясению, ибо на моих празднествах будут присутствовать все – молодые и старые, богатые и бедные!

– Ой боженьки! Ты и верно будешь чудачкой, как мама предсказывала! – вздохнула Ариадна, в отчаянии стискивая ладошки и, невзирая на все свои горести, внимательно рассматривая три браслета на своем пухлом запястье.

– Я намереваюсь поступать у себя в доме по собственному разумению, и если меня сочтут чудачкой – что ж, ничего не поделаешь. Постараюсь не делать ничего совсем уж ужас-

ного, но я, похоже, унаследовала дядину любовь к экспериментам, так что собираюсь их проводить. Наверняка они закончатся провалом и меня осмеют. Но я все равно не отступлюсь, так что лучше уж раздружись со мной сразу, пока я не начала, – объявила Роза с решительным видом, весьма угрожающим.

– А что ты собираешься надевать на эти твои праздники нового толка? – поинтересовалась Ариадна, усвоившая мудрую привычку пропускать мимо ушей все щекотливые и опасные разговоры и обсуждать лишь те темы, которые были ей понятны.

– Вон то белое платье. Оно свежее, симпатичное, у Фиби есть почти такое же. Я не хочу одеваться роскошнее, чем она, а подобные наряды девушкам нашего возраста идут и приличествуют больше других.

– Фиби! Ты что, собираешься сделать из нее леди? – ахнула Ариадна, роняя свои сокровища; она откинулась на спинку с жестом, который заставил креслице в очередной раз застонать, ибо мисс Блиш была пухленькой, как куропатка.

– Она уже леди, и всякий, кто ею пренебрегает, выказывает пренебрежение и мне, потому что она прелесть какая дивная и милая! – с пылом воскликнула Роза.

– А, ну конечно, я просто удивилась, ты совершенно права, может, из нее еще что и выйдет, а как тебе потом будет приятно думать, что ты была к ней добра! – зачастила Ариадна, резко сменив точку зрения, ибо почуяла, куда ветер дует.

Роза не успела ничего ответить, потому что из коридора долетел бодрый голосок:

– Эй, хозяйюшка, где ты там?

– Я у себя в комнате, Фиби, милочка!

Тут вошла девушка, из которой Роза «собиралась сделать леди», и оказалась так на эту самую леди похожа, что Ариадна широко раскрыла фарфорово-голубые глаза и невольно улыбнулась; Фиби же сделала неглубокий книксен, лукаво подражая себе прежней, и негромко произнесла:

– Как вы поживаете, мисс Блиш?

– Рада вашему возвращению, мисс Мур, – ответила Ариадна, пожимая Фиби руку, причем сразу стало ясно, что вопрос о месте Фиби в ее мыслях уже решен окончательно, ибо у нашей пышнотелой барышни помимо недалекого ума имелось доброе сердце и она относилась к Розе с искренним расположением. Условия игры она поняла: «Хочешь любить меня, люби мою Фиби» – и тут же уверила себя в том, что Фиби не пустое место, – в результате все, включая рабочий дом, приобрело в ее глазах романтический ореол.

Поэтому она невольно следила глазами за двумя подругами, вместе взявшимися за работу, вслушивалась в их веселые реплики по поводу каждого извлеченного на свет сокровища, ибо и слова их, и взгляды красноречиво говорили о том, что за годы тесного общения они стали очень близки. Приятно было видеть, как Роза пытается взять на себя самую сложную часть каждой их невеликой задачи, еще прият-

нее – как Фиби отстраняет ее и сама развязывает тугие узлы, складывает неподатливые листы бумаги, поднимает своими сильными руками тяжелые подносы, а приятнее всего было слышать, как она произносит материнским тоном, усаживая Розу в кресло:

– А теперь, душенька, посиди отдохни – тебе весь день принимать гостей, негоже с самого утра утомляться.

– Это еще не повод перекладывать на тебя работу. Позови на помощь Джейн, а то я снова возьмусь за дело, – пригрозила Роза, не слишком убедительно изображая властную хозяйку.

– Джейн, может, и заняла мое место внизу, но здесь я никому не позволю тебе прислуживать, пока сама в этом доме, – объявила величественная Фиби и нагнулась, чтобы подсунуть подушечку под ноги своей молодой барышне.

«Все это очень мило и славно, вот только не знаю, что скажут, когда она вместе с нами начнет выходить в свет. Надеюсь, Роза рано или поздно перестанет чудить», – подумала Ариадна, отправляясь восвояси – сообщать печальную новость о том, что грандиозного бала не будет, а что еще горше – Роза не привезла ни единого парижского наряда, которым можно усладить взгляд любимых друзей и вызвать их зависть.

«Ну вот, мальчиков я видела или слышала всех, кроме Чарли, а он, видимо, слишком занят. Интересно чем», – подумала Роза, поворачиваясь вспять от дверей вестибюля, ку-

да вежливо проводила свою гостью.

Желание ее осуществилось буквально через минуту: выйдя в гостиную, чтобы решить, где лучше развесить фотографии, она увидела в одном углу дивана пару коричневых ботинок, в другом – копну каштановых волос и выяснила, что Чарли с похвальной старательностью предается безделью.

– Я услышал поблизости голос Блиш и сбежал выждать, когда она поднимется наверх, а потом устроил себе небольшую сиесту в ожидании мига, когда смогу засвидетельствовать свое почтение выдающейся путешественнице леди Эстер Стэнхоуп!⁶ – проговорил Чарли, поднимаясь и отвешивая элегантный поклон.

– Да, ее голос – это подлинный голос праздности. Ариадна продолжает по тебе сохнуть? – осведомилась Роза, вспоминая все их детские шутки по поводу неразделенной страсти.

– Ничего подобного. Фун перебежал мне дорогу, и если я не ошибаюсь, дивная Ариадна еще до зимы станет миссис Токио.

– Как, маленький Фун-Ши? Странно даже представить его взрослым и мужем – вообрази себе! – Ариадны! А она о нем ни словом не обмолвилась, зато теперь я поняла, почему она так приглядывалась к моим китайским безделушкам и так интересовалась Кантоном.

– Маленький Фун у нас теперь в полном соку и по уши влюблен в эту пышную девушку, которая по первому его тре-

⁶ Эстер Стэнхоуп (1776–1839) – британская путешественница и археолог.

бованию берется за китайские палочки. Нет нужды осведомляться о твоём здоровье, кухня, ибо алостью щек ты можешь посрамить саму Аврору. Мне бы прийти пораньше, но я подумал, что ты захочешь как следует отдохнуть с дороги.

– Я уже в девять бегала с Джейми наперегонки. А чем вы занимались, молодой человек?

– «Я спал и грезил о тебе, моя любовь»... – начал было Чарли, но Роза его прервала, вложив в свои слова как можно больше укоризны, провинившийся Чарли же стоял, глядя на нее с безмятежным удовлетворением.

– Тебе нужно было бы встать и приняться за работу, как и другим. Я чувствую себя трутнем в улье, полном очень трудолюбивых пчел, которые поутру разлетелись по своим делам.

– Все дело в том, милочка, что у меня нет никакого дела. Я, понимаешь ли, собираюсь с мыслями и украшаю всем жизнь, пока не решу, чем заняться. В семье обязательно должен быть один джентльмен, а это дело как раз по мне, – ответил Чарли, изображая упомянутого персонажа, то есть принимая томно-элегантную позу, которая выглядела бы очень убедительно, если бы не озорной блеск глаз.

– Смею надеяться, что в нашей семье джентльмены все до единого, – заметила Роза, горделиво выпрямившись – как и всегда, если кому-то случалось задеть имя Кэмпбеллов.

– А, ну конечно, конечно. Нужно было уточнить: праздным джентльменом. Видишь ли, работа на износ, которая так

по душе Арчи, противоречит моим принципам. Какой в ней смысл? Деньги нам не нужны, их довольно, так чего бы не радоваться жизни и не развлекаться, сколько получится? Как по мне, жизнерадостные люди – благодетели общества в этом полном скорбей мире.

Трудно было опровергнуть это утверждение, тем более что оно исходило от приятной внешности молодого человека, выглядевшего воплощением здоровья и счастья: сидя на подлокотнике дивана, он улыбался в кухне самым что ни на есть очаровательным образом. Роза прекрасно знала, что эпикурейство – не та философия, с которой следует начинать свою жизнь, но переубедить Чарли было сложно, потому что он всегда избегал серьезных тем, всегда был так жизнерадостен, что не хотелось приглушать исходящий от него солнечный свет, каковой и правда является благодатью для человечества.

– Ты так хитроумно все подаешь, что я даже не знаю, как тебе возразить, но мне все равно кажется, что я права, – серьезно произнесла Роза. – Мак не меньше твоего любит праздность, однако не предается ей, ибо знает: попусту транжирить время вредно. Он у нас умничка, будет осваивать профессию врача, хотя предпочел бы жить в окружении своих любимых книг или предаваться любимым хобби.

– Ему-то это просто, потому что он не любит общество, ему все одно: что изучать медицину, что бродить по лесу, напихав полные карманы книг замшелых философов и ста-

ромодных поэтов, – ответил Чарли, передернув плечами – и тем красноречиво выразив свое мнение касательно Мака.

– Мне все же представляется, что замшелые философы вроде Сократа и Аристотеля и старомодные поэты вроде Шекспира и Мильтона – куда более безобидная компания, чем некоторые из наших современников, с которыми водишься ты, – заметила Роза, вспомнив слова Джейми касательно всяческих буйств: Роза умела проявлять строгость, а еще она так давно не читала «мальчикам» нотации, что это показалось особенно приятно.

Чарли, однако, очень ловко сменил тему, воскликнув с тревогой на лице:

– Похоже, ты превращаешься во вторую тетюшку Джейн – ведь она точно так же набрасывается на меня при любой возможности! Умоляю, не бери с нее пример, она женщина добродетельная, но, по моему скромному мнению, довольно противная.

Страх сделаться противной остановит любую девушку, и это было прекрасно известно нашему коварному молодому человеку – Роза тут же попала в западню, потому что уж чего-чего, а подражать тете Джейн ей совсем не хотелось, при всем уважении к этой почтенной особе.

– А ты бросил живопись? – поинтересовалась она отрывисто, поворачиваясь к позолоченному ангелу фра Анджелико, прислоненному к углу дивана.

– В жизни не видел столь прелестного лица, – кстати, глаза

очень похожи на твои, правда? – сказал Чарли, который, похоже, усвоил любимый трюк всех янки: отвечать вопросом на вопрос.

– Я жду ответа, не комплимента. – Роза попыталась напустить на себя строгий вид и поставила картину на место даже стремительнее, чем взяла.

– Бросил ли я живопись? О нет! Время от времени балуюсь красками, развлекаюсь акварелью, делаю набросочки, а если на меня нападает творческий стих, брожу по мастерским.

– А что с музыкой?

– Тут успешнее. Упражняюсь я редко, зато часто пою в компании. В прошлом году обзавелся гитарой и с тех пор трубадурствую напропалую. Девушкам очень нравится, да и на парней производит впечатление.

– А ты что-то изучаешь?

– Ну, на столе у меня лежит несколько томов по юриспруденции, ребята корпулентные, мудрые, и я время от времени в них заглядываю – как надоест развлекаться или родители начнут зудеть. Вот только вряд ли я в этом году продвинусь дальше «аль-ли-би». – Глаза Чарли хитровато блеснули, из чего следовало, что он время от времени пускает в ход эти познания.

– Так чем же ты занимаешься?

– Ишь какой катехизатор, провожу время с удовольствием. Нынче в большой моде домашние спектакли, и меня

увенчали такими лаврами, что я серьезно задумываюсь о сценической карьере.

– Неужто? – в тревоге воскликнула Роза.

– А что в этом такого? Раз уж нельзя не работать, это ремесло не хуже любого другого.

– Для сцены нужен талант, а ты вряд ли им обладаешь. Дарованию в театре самое место, а людям посредственным лучше туда не соваться.

– Суровые слова в адрес «звезды доброй компании», к которой я принадлежу. У Мака вообще ни искорки никакого дарования, а ты им восхищаешься за то, что он решил податься в медицину! – воскликнул Чарли, сильно задетый высказыванием кузины.

– Он как минимум выбрал почтенную профессию, да и вообще, посредственный врач – это не так плохо, как посредственный актер. Впрочем, я уверена, ты говоришь не всерьез, просто хочешь меня попугать.

– Ты совершенно права. Я поднимаю эту тему каждый раз, как кто-то начинает читать мне нравоучения, – и добиваюсь поразительного эффекта. Дядя Мак бледнеет, тетуски в священном ужасе воздевают руки, всеми овладевает смятение. После чего я даю великодушное обещание не позорить семью, и эти добрые души в приливе благодарности соглашаются на все мои требования; мир восстановлен, и я могу дальше радоваться жизни.

– Помнится, ты грозил сбежать из дома и стать моряком,

если мама откажется удовлетворять твои прихоти. В этом смысле ты ничуть не изменился, а вот в других – да. Раньше, Чарли, у тебя были великие планы и замыслы, а теперь ты, похоже, на все руки от скуки, да только нигде толку не добился.

– То был мальчишеский вздор! С годами я стал мудрее и не вижу никакого смысла ограничиваться каким-то одним занятием и предаваться ему из года в год. Люди, сосредоточенные на чем-то одном, делаются занудными и недалекими – меня от них просто воротит. Главное в этой жизни – культура, а приобщиться к ней можно, лишь попробовав себя в самых разных областях: так оно практичнее, да и к успеху приведет быстрее. В любом случае мне нравится жить именно так, и ничем другим я заниматься не намерен.

После этого заявления Чарли перестал морщить лоб, сложил ладони за головой и, откинувшись назад, негромко запел припев из школярской песенки, – похоже, самому ему было не сформулировать свои взгляды на жизнь яснее:

Под лентой розовой горит
Румянец вспыхнувших ланит,
Так пей и улыбайся всласть —
Нам любви молодость и страсть⁷.

– Среди святых, перед которыми я преклоняюсь, были лю-

⁷ Ода XLIII ирландского поэта Томаса Мура из «Анакреонтических од» (1800).

ди, вдохновленные некоей идеей, и хотя, с точки зрения света, они и не преуспели при жизни, после смерти их ждали любовь и прославление, – заметила Роза, которая перебирала на столе стопку фотографий и как раз нашла среди них изображение святого Франциска⁸.

– А мне больше нравится вот этот. Изможденные полутрупы наводят на меня жуть, он же – святой-джентльмен, который живет беззаботно и творит добро между делом, не рыдая над собственными грехами и не смущая людей рассказами об их проступках. – И Чарли положил рядом с монахом в бурой рясе изображение святого Мартина⁹.

Роза посмотрела на двух святых, и ей стало ясно, почему кузен предпочитает воителя с мечом аскету с распятием. Первый браво разъезжал по всему миру в дорогих алых одеждах, верхом, в сопровождении собаки и оруженосцев; второй долгое время прожил в приюте для прокаженных и молился за умерших и умирающих. Контраст был разительным, и на рыцаре девушка задержала свой взгляд дольше, чем на отшельнике, хотя и произнесла задумчиво:

– Твой, безусловно, пригляднее, однако я никогда не слышала ни про одно его доброе деяние, вот разве что он поделился плащом с нищим, а святой Франциск посвятил себя

⁸ *Франциск Ассизский* (ок. 1181–1226) – католический святой, основатель нищенствующего ордена.

⁹ *Мартин Турский* (ок. 316–397) – католический святой, небесный покровитель Франции.

заботе о ближних с самых юных лет, когда жизнь предлагает нам больше всего искушений, и долгие годы трудился во имя Господа, не требуя никакой награды. Он стар и беден, он в страшном месте, но я от него не отрекись – а ты можешь забрать себе твоего развеселого святого Мартина.

– Нет уж, спасибо, святые не в моем вкусе, а вот от золотоволосого ангелочка в голубом одеянии я не откажусь, если ты согласна мне его отдать. Эта ангелица будет моей маленькой мадонной, и я стану возносить ей мольбы, как положено доброму католику, – откликнулся Чарли, поворачиваясь к хрупкой фигурке с проникновенными глазами и лилиями в руке.

– Дарю тебе ее от всего сердца, да и вообще бери, что понравится. А еще выбери что-нибудь для мамы и передай ей с моим сердечным приветом.

Чарли присел рядом с Розой, и они с приятностью провели целый час за разглядыванием и обсуждением картин. Когда же они отправились обедать – вот только некому было заметить столь мелкую, но значимую подробность, – добрый святой Франциск лежал лицом вниз за диваном, а галантный святой Мартин стоял стойком на каминной полке.

Глава 3

Мисс Кэмпбелл

Пока путешественники разбирают вещи, подберем – со всей возможной сноровкой – спущенные петли в полотне нашего скромного повествования.

После того майского дня, когда Роза сделала свой выбор, целых четыре года она жила неброской, но насыщенной жизнью. Учеба, спорт, работа по дому и другие достойные удовольствия сделали ее счастливым и одухотворенным существом, год от года прираставшим в женской прелести, но неизменно сохранявшим девственную свежесть, которую девочки так стремительно утрачивают, если им выпадает слишком рано выйти на мирскую сцену и получить там собственную роль.

Причем речь идет о девочке не особенно одаренной и отнюдь не совершенной, склонной к девическим фантазиям и причудам, несколько избалованной всеобщей любовью и считающей, что все живут такой же беззаботной и защищенной жизнью, как и она; тем не менее, когда взывали к ней чужая нужда и боль, ее доброе, склонное к состраданию сердечко переполнялось милосердием, и она с безрассудной щедростью делилась с другими. Несмотря на свои совершенно человеческие слабости, девочка была добродетельна по

своей природе, поэтому все помыслы ее устремлялись к чистому, справедливому и подлинному – как цветы тянутся к свету; под зелеными листьями и маленькими зелеными шипами расцветала прекрасная женская душа.

Когда Розе исполнилось семнадцать лет, доктор Алек объявил, что она готова к кругосветному путешествию – которое, как он считал, лучше любой школы довершит ее образование. Но как раз тогда бабушка Мира начала сдавать и скоро тихо отошла – устремилась на встречу с возлюбленным, которой ждала так долго. Молодость, будто по волшебству, вернулась на лицо покойницы, озарив его утраченной красотой, а все воспоминания о ней сосредоточились вокруг романтической истории из ее прошлого. Бабушка Мира, в отличие от большинства пожилых женщин, общалась в основном с молодежью, и на похоронах вместо седовласых матрон тут и там мелькали любившие ее девушки – они подготовили славную старую деву к вечному сну, встали у гроба и забросали ее могилу белыми цветами, которыми ей так и не суждено было украсить себя.

Когда прошли похороны, оказалось, что бедная бабушка Изобилия ходит как потерянная – ведь она лишилась пожизненной заботы; доктор Алек не решился ее оставить, а Роза с радостью принялась возвращать свои долги, без лишних слов окружив милую старушку нежностью и лаской. Вот только бабушка Биби, всю жизнь жившая ради других, быстро взбунтовалась против этого добровольного самоотрече-

ния, быстро нашла новые силы в искренней вере в Бога, утешение – в бодрящей занятости, а источник здоровых развлечений – в уходе за тетушкой Сарой, которая была идеальной пациенткой: и не умирала, и не поправлялась.

И вот наконец настал день, когда путешественники со спокойной душой тронулись в путь: в свой восемнадцатый день рождения Роза в сопровождении дяди Алека и верной Фиби отправилась осматривать и познавать огромный прекрасный мир, который ждет нас всех – вернее, тех, кто умеет его использовать и ценить.

Фиби определили заниматься музыкой у лучших учителей, и, пока она с радостью и рвением совершенствовала свой дивный голос, Роза с дядей воодушевленно исследовали разные страны – в результате два года промчались как светлый сон, и родственники стали требовать их возвращения.

Они прибыли обратно, и вот пришло время наследнице подготовиться к тому, чтобы занять свое законное место: в двадцать один год ей предстояло получить в свое распоряжение большие деньги – и она уже давно осваивала искусство ими пользоваться. В мозгу у нее роились великие планы, ибо, хотя сердце ее сохранило прежнюю щедрость, время научило ее осмотрительности, а наблюдения показали, что самая дальновидная филантропия состоит в том, чтобы научить бедных помогать себе.

Доктору Алеку порою было нелегко смирять порывы юной

благотворительницы, которая вознамерилась с ходу заняться учреждением больниц, строительством домов, усыновлением детей и заключением в свои объятия целого мира.

– Погоди, душа моя, осмотрись, пойми, что к чему. Мир, в котором ты жила, гораздо меньше и честнее того, в который тыходишь. Испытай себя, разберись, подходят ли тебе проверенные временем методы: я надеюсь, ты достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения, и достаточно умненькая, чтобы понять, как именно лучше творить добрые дела, – сказал дядя, пытаясь смириться с мыслью, что птичка скоро вырвется из-под его крыла и начнет совершать первые свои самостоятельные полеты.

– Знаешь, дядя, я ужасно боюсь, что ты расстроишься, – начала Роза с непривычной для нее нерешительностью, хотя в глазах ее светилось явно продуманное желание. – Ты любишь, чтобы я говорила честно, я привыкла делиться с тобой всеми своими дурацкими соображениями, так что выскажусь прямо, и если мысль моя покажется тебе совсем глупой и неправильной, ты так и скажи – я не хочу, чтобы ты отверг меня полностью, пусть я уже и большая. Ты предлагаешь мне подождать, испытать себя, использовать проверенные временем методы. Именно так я и хотела бы поступить, и мне кажется, лучший способ – пожить жизнью, какой живут другие девушки. Ну, совсем недолго, – добавила Роза, заметив, как посуровело дядюшкино лицо.

Он действительно расстроился, однако не мог не при-

знать, что это совершенно естественное желание, а чуть поразмыслив, понял, что у этой затеи есть и свои положительные стороны. Тем не менее перспектива эта внушала ему некоторые опасения, ибо изначально он намеревался тщательно отбирать племяннице круг общения и как можно дольше ограждать ее от тлетворного влияния света – так поступают многие ответственные родители и опекуны. Однако дух Евы жив во всех ее дочерях, запретный плод им кажется румянее всех яблок из их собственных садов, и даже самым мудрым не удержаться от искушения откусить от него хоть малую толику. Вот и Роза, взиравшая из защищенных чертогов своего девичества на царство женщин, в которое ей вот-вот предстояло вступить, вдруг ощутила желание приобщиться к его радостям, прежде чем она возьмет на себя все связанные с ним обязанности, – и в силу природной искренности она не стала этого скрывать.

– Что ж, душа моя, хочется попробовать – пробуй, но только не в ущерб здоровью; а кроме того, проявляй умеренность в увеселениях и смотри, чтобы не потерять больше, чем обретишь, – если получится. – Последние слова доктор Алек произнес совсем тихо, стараясь сохранять бодрость тона и гнать тревогу с лица.

– Я знаю, что это глупо, но мне хочется немножко побыть обыкновенной бабочкой, понять, каково это. Ты сам знаешь, что я за границей волей-неволей навидалась светской жизни, пусть и со стороны, а тут, дома, я постоянно слышу от других

девушек о всевозможных удовольствиях, которым они намерены предаваться этой зимой; словом, если это не вызовет у тебя слишком сильного презрения, я бы хотела попробовать.

– И какой срок ты себе определишь?

– Ты как считаешь: три месяца – это слишком долго? Новый год – самое подходящее время что-то изменить в жизни. Все будут приветствовать меня в новом кругу, придется мне, хочешь не хочешь, быть приветливой и веселой, чтобы не прослыть мрачной и неблагодарной, – произнесла Роза, довольная, что нашла столь весомый повод для своего нового эксперимента.

– Но тебе может так понравиться, что три месяца превратятся в долгие годы. В юности удовольствия особенно сладки.

– Боишься, что они меня опьянят?

– Это мы поглядим, душа моя.

– Поглядим! – И Роза удалилась прочь с таким видом, будто дала некую клятву и теперь намерена ее сдержать.

Весть о том, что мисс Кэмпбелл намерена наконец появиться в свете, была встречена с превеликим облегчением, и приглашения на прием, который собиралась устроить бабушка Изобилия, принимали с большой готовностью. Тетя Клара была сильно разочарована тем, что замысленный ею грандиозный бал не состоится, но тут Роза проявила твердость, предоставив славной старушке делать все по-своему.

В результате прием превратился в симпатичнейшую

встречу друзей, которые собрались поприветствовать вернувшихся домой путешественников. Встреча прошла в славном старомодном гостеприимном духе – просто, сердечно и искренне, так, что даже те, кто явился с целью разбранить, остались и получили удовольствие, и очень многие оценили тихое очарование, которое не описать словами.

Особое любопытство вызвала Фиби, и многие в тот день азартно сплетничали, прикрывшись веерами, ибо встречавшим ее много лет назад трудно было узнать бывшую служаночку в импозантной молодой даме, державшейся со спокойным достоинством и всех очаровавшей своим голосом. «Золушка стала принцессой» – таков был единодушный вердикт, и Роза от души порадовалась этой небольшой сенсации, ибо с тех пор, как Фиби попала в их круг, ей, Розе, пришлось выдержать немало битв, но теперь вера ее оправдала себя сполна.

Сама мисс Кэмпбелл имела большой успех и так дивно справлялась со своими обязанностями хозяйки, что даже мисс Блиш простила ее за прискорбное пренебрежение Уортом¹⁰ – хотя и покачала головой при виде белых одеяний, совершенно одинаковых, вот только у Розы оно было с алой отделкой, а у Фиби с голубой.

Все девушки так и вились вокруг возвратившейся подруги, ибо Роза до своего отъезда была всеобщей любимицей –

¹⁰ Речь идет о французском доме высокой моды, основанном Чарльзом Фредериком Уортом в 1858 г.

и, вернувшись, нашла свой трон незанятым. Молодые люди, собравшись своим кругом, признали Фиби первой красавицей. «Правда, за душой у нее ни денег, ни связей, так что толку-то». Соответственно, Фиби восхищались как неким изящным украшением дома – и уважительно оставляли ее в покое.

А вот милочка Роза была «то, что надо» – так это именovali добропорядочные юнцы, и множество глаз с упоением следило за светловолосой головкой, которая мелькала то в одной комнате, то в другой – этакое новое Золотое руно, ради добычи которого придется преодолеть множество препятствий, ибо крепкие кузены окружали Розу тесным кольцом, а еще с нее не сводили глаз бдительные тетушки.

Стоит ли удивляться, что нашей барышне этот ее новый мир показался просто очаровательным, что первый глоток удовольствия вскружил ей голову, ибо все ей радовались и улыбались, льстили и благоволили, нашептывали на ухо лестные пророчества и выражали взглядами и жестами поздравления и комплименты, которые не решались произнести, – в результате ей стало казаться, что свое старое «я» она оставила где-то за границей, превратившись в новое, необычайно одаренное существо.

– Дядюшка, как здорово! Похоже, когда первые три месяца кончатся, мне захочется продлить срок еще на три, – прошептала Роза после ужина доктору Алеку, который стоял и смотрел, как они с Чарли танцуют в первой паре в большом

зале.

– Не спеши, душенька, не спеши и не забывай о том, что ты не бабочка, а смертная девушка, тебе дана голова, и она завтра наверняка будет болеть, – ответил дядя, глядя на ее раздумывавшееся довольное личико.

– А мне хочется, чтобы завтра не настало вовсе, чтобы сегодня длилось вечно – так все приятно, так все добры, – ответила Роза с тихим счастливым вздохом, подхватывая пышные юбки, точно белая птичка, распушившая перышки перед полетом.

– Я поинтересуюсь твоим мнением в два часа ночи, – ответил дядя с многозначительным кивком.

– И я отвечу совершенно точно! – А больше Роза ничего не успела сказать – Чарли увлек ее в праздничную многоцветную толпу.

– Бесполезно, Алек: с какой мудростью ни воспитывай девушку, настанет час, когда она вырвется на волю и с той же рьяностью, что и самые легкомысленные ее подруги, кинется искать удовольствий, ибо «природа их ведь такова»¹¹, – заметил дядя Мак, притопывая в такт музыке, – похоже, он и сам был не прочь получить свою долю удовольствия.

– Да, моя девочка все проверит на личном опыте, вот только я почти не сомневаюсь, что с нее довольно будет неболь-

¹¹ Часто пародировавшаяся фраза из стихотворения английского священника, поэта, логика и педагога Исаака Уотса (1674–1748) «Песня XVI. Против ссор и вражды» («Song XVI. Against Quarreling and Fighting»), входящая в сборник «Божественные песни простым языком для детей».

шой пробы. Я хочу убедиться, что она в силах выдержать это испытание, потому что, если нет, можно считать, что труды мои пошли прахом – а такое лучше узнать сразу, – отвечал доктор с улыбкой надежды на губах – притом что в глазах его затаилась тревога.

– Да все она выдержит, славное наше сердечко! Позволь ей немного порезвиться и порадоваться жизни – а там она, глядишь, и уgomонится. И я лишь уповаю на то, что и вся наша молодая родня проявит столь же умеренную резвость и пройдет этот этап так же безболезненно, как и она, – добавил дядя Мак, покачав головой: он смотрел на роившихся вокруг молодых людей.

– С твоими сыновьями все, надеюсь, в порядке?

– К счастью, да! Оба пока не доставляют мне особых хлопот, хотя Мак чудаковат, а Стив совсем щеночек. Но я не жалуясь – они это перерастут, потому как по сути своей они ребята славные – за что спасибо их матери! А вот с Клариным сыном неладно, причем она будет баловать его и дальше, хотя он уже не мальчик, а мужчина, – если не вмешается его отец.

– В прошлом году в Калькутте я подробно описал ситуацию брату Стивену, и он отправил сыну письмо, вот только у Клары полна голова всяких планов, и она потребовала, чтобы Чарли еще на год остался дома, хотя отец и настаивал на его переезде в Индию, – ответил доктор – они уже шагали прочь.

– «Настаивать» уже поздно: Чарли взрослый, и, боюсь, Стивен обнаружит, что все эти годы держал его в недостаточной строгости. Бедолага, тяжело ему приходилось в последнее время – и будет, боюсь, того тяжелее, если он не вернется домой и не наведет тут порядок.

– Вряд ли он так поступит без крайней нужды. Жизнь в жарком климате высосала из него все силы, он теперь совсем не хочет волноваться, а ты представляешь, как непросто управляться с недалекой женщиной и распоясавшимся юнцом. Придется нам с тобой, Мак, вмешаться и посодействовать бедному старине Стиву.

– Лучшее, что мы можем сделать для паренька, – поскорее его женить: пусть обзаведется своим домом.

– Но ему, друг мой, всего двадцать три года... – начал доктор, которому идея эта явно показалась нелепой. А потом, переменившись в лице, он добавил с печальной улыбкой: – Впрочем, я забыл о том, что и в двадцать три случается и питать надежды, и страдать...

– И с мужеством пройти испытания, и выйти из них закаленным человеком, – подхватил дядя Мак, опустив руку брату на плечо. – в голосе его звучало искреннее одобрение. А потом, явно решив больше не мучить брата, он вернулся к разговору о молодежи и полюбопытствовал: – Полагаю, ты не разделяешь мнения Клары по определенному вопросу?

– Ни в коей мере. Для моей девочки годится все только самое лучшее, а Клара способна избаловать даже ангела, –

поспешно ответил доктор Алек.

– Вот только тяжело будет отпускать нашу маленькую Розу из семейного круга. Может, ей подойдет Арчи? Воспитали его хорошо, и вообще он отличный парень.

Братья успели дойти до кабинета, то есть были наедине, и все равно доктор Алек понизил голос. Он произнес с нежной тревогой, видеть которую было очень приятно:

– Ты знаешь, Мак, что я против браков между двоюродными, так что пребываю в некоторой растерянности: девочку эту я люблю как родную дочь и мне страсть как не хочется отдавать ее человеку, которого не изучил до самой подноготной и к которому не испытываю полнейшего доверия. Строить планы совершенно бессмысленно, пусть выбирает сама – но мне бы так хотелось, чтобы она осталась в семье и стала одному из наших мальчиков достойной женой!

– Так и нужно поступить, так что оставь свои теории и займись другим: испытай старших мальчиков и сделай одного из них счастливым. По-моему, все они ребята достойные, и хотя еще слишком молоды для женитьбы, мы можем начать исподволь подталкивать их в правильном направлении – ведь никому же не ведомо, когда настанет нужный момент. Да уж, в нынешние времена жить в окружении молодежи – все равно что сидеть на пороховой бочке! Вокруг тишь да гладь, но первая же искра породит взрыв – и один Господь ведает, куда он нас закинет!

И дядя Мак поудобнее устроился в кресле, будто уже ре-

шив Розину судьбу, доктор же мерил кабинет шагами, держа себя за бороду и хмуря брови, – ему, похоже, будущее виделось куда туманнее.

– Да, Арчи славный паренек, – сказал он наконец, отвечая на вопрос, который раньше проигнорировал. – Честный, толковый, уравновешенный, и если он рано или поздно обнаружит, что у него есть сердце, из него получится прекрасный муж. Я, наверное, всего лишь старый дурак, но мне бы хотелось видеть в молодом человеке чуть больше романтических склонностей, чуть больше душевного тепла и воодушевления. А наш Арчи! Можно подумать, ему уже сорок лет, а не двадцать три или двадцать четыре, такой он трезвомыслящий, невозмутимый, спокойный. Я и то его моложе и мог бы предаваться нежной страсти, прямо как Ромео, будь у меня сердце, которое можно предложить женщине.

Доктор говорил с явным смущением; что до его брата, тот в ответ разразился хохотом:

– Да уж, Алек, ужасно жаль, что все твои романтические склонности и прекрасные свойства растрачиваются втуне! Чего бы тебе не подать молодежи пример и не приударить за какой-нибудь барышней? Джесси все гадает, как тебе удалось за это время не влюбиться в Фиби, а Клара убеждена, что ты лишь дожидался того момента, когда она окажется под заботливым крылом тетушки Изобилии, чтобы сделать ей предложение в добром старомодном духе.

– Я? – Доктор явно опешил от этой мысли, потом обре-

ченно вздохнул и с мученическим видом добавил: – Если эти славные дамы наконец оставят меня в покое, я буду им благодарен до гроба. Ради бога, Мак, разубеди ты их, а то они так и будут навязывать мне бедную девочку – и лишат ее душевного покоя. Она многого достигла, я очень ею горжусь, но она, право же, заслуживает лучшего суженого, чем старик вроде меня, чье единственное достоинство – постоянство.

– Ну, как знаешь, я же просто пошутил. – И Мак с тайным облегчением закрыл эту тему. Этот достойнейший человек много думал о семейных делах, и намеки дам его не на шутку встревожили. После короткого молчания он вернулся к предыдущему разговору, ибо темой его были собственные его скрытые чаяния.

– Мне кажется, Алек, ты недооцениваешь Арчи. Ты знаешь его куда хуже, чем я, но уверяю: под невозмутимостью и сдержанностью таится настоящее сердце. Я сильно к нему привязался, очень его ценю и, право же, не думаю, что ты сможешь найти для Розы лучшую партию.

– Если она сама согласится, – уточнил доктор, улыбкой отвечая на деловитую манеру, в которой его брат вершил судьбы двух молодых людей.

– Она согласится на что угодно, лишь бы заслужить твое одобрение... – начал дядя Мак, твердо веря в собственные слова, ибо двадцать пять лет в браке с прозаической женой полностью отучили его от всего романтического.

– Строить планы совершенно бессмысленно, потому что

вмешиваться я не намерен, разве что давать советы – и если бы мне пришлось выбирать между мальчиками, я выбрал бы своего крестника, – серьезным тоном произнес доктор.

– Что, моего Гадкого утенка? – страшно изумившись, воскликнул дядя Мак.

– Ты же знаешь, что твой Гадкий утенок превратился в лебедя. Мне этот мальчик всегда нравился своей искренностью и самобытностью. Да, пока он жестковат, такое зеленое яблочко, но сердцевина у него здоровая, и со временем яблочко станет наливным. Я уверен, что из него вырастет прекрасный мужчина чисто кэмпбелловского толка.

– Я тебе от души признателен, Алек, но эта затея безнадежная. Он у нас славный малый и, возможно, еще станет предметом нашей гордости, вот только Розе он не пара. Ей нужен муж, который после нашего ухода сможет распоряжаться ее состоянием, а для этого, уж поверь, не найти никого лучше Арчи.

– Да чтоб его, это состояние! – не сдержался доктор Алек. – Я хочу, чтобы Роза была счастлива, и если эти ее деньги – всего лишь камень на шее, я бы предпочел, чтобы она поскорее от них избавилась. Признаюсь тебе: я страшно боялся этого момента, до последнего держал ее вдали от дома, а за границей меня охватывала дрожь всякий раз, как к нам присоединялся какой-нибудь молодой человек. Пару раз едва пронесло, но теперь дела мои совсем плохи – это видно по сегодняшнему «успеху», как его называет Клара. Какое

счастье, что я не отец множества дочерей!

– Да полно тебе, согласишься на Арчи и устроишь ее судьбу прямо сейчас, надежно и счастливо. Таков мой совет – надеюсь, ты сочтешь его разумным, – проговорил заговорщик постарше с видом человека, умудренного опытом.

– Я над этим подумаю, но только, Мак, сестрам ни слова. Мы с тобой – два старых осла, потому и занимаемся сводничеством, но я же вижу, что меня ждет, и мне легче оттого, что можно излить кому-то душу.

– Решено. Обещаю никому не проговориться, даже Джейн, – ответил дядя Мак, сердечно пожав брату руку и сочувственно хлопнув его по плечу.

– Ну и что за страшные секреты здесь обсуждаются? У вас тут масонская ложа, а это таинственные знаки? – раздался у двери радостный голос, и на пороге явилась Роза; она с любопытством улыбалась, глядя на двух своих дядюшек, которые, рука об руку, перешептывались и загадочно кивали друг другу.

Дядюшки вздрогнули, будто два школьника, которых застали за обсуждением будущей проказы, – да так, что Розе их стало жалко, ибо она по невинности своей предположила, что братья в этот радостный день предаются сентиментальным воспоминаниям, а потому она добавила поспешно, поманив их к себе, но не переступая порога:

– Женщины, понятное дело, сюда не допущены, а вот вас, любезные Чудаки, очень просят присоединиться к осталь-

ным, ибо бабушка Биби желает, чтобы мы станцевали старомодный контрданс, и в первую пару должны встать мы с дядюшкой Маком. Я вас выбрала, сэр, потому что вы танцуете первостатейно – с «голубиными крылышками» и всем прочим. Так что прошу за мной, а тебя, дядя Алек, дожидается Фиби. Она у нас, как ты знаешь, довольно стеснительная, но с тобой, полагаю, станцует и только порадуется.

– Спасибо, спасибо! – хором воскликнули оба джентльмена.

Ни о чем не подозревавшая Роза получила огромное удовольствие от «виргинского рила»: подскоки под названием «голубиные крылышки» удались на славу, партнер совершил все сложные эволюции без единой ошибки и с безупречной галантностью вывел ее в середину. Когда они оказались в конце, Роза отступила в сторону, чтобы дать своему кавалеру отдышаться: дородный дядя Мак решил по такому поводу выложиться полностью и без единой жалобы танцевал бы буквально до упаду, если бы Роза того пожелала.

Что же касается Мака-младшего, он подпирал стену – волосы упали ему на глаза, а на лице застыло скучающее выражение: отцовские гимнастические подвиги он созерцал с уважительным изумлением.

– Ну, дружок, теперь твоя очередь. Роза свежа, как маргаритка, а вот нам, старикам, такого долго не выдержать, так что занимай-ка мое место, – пригласил его отец, вытирая пот с лица, алевшего, как пион.

– Нет уж, сэр, благодарствуйте, я все это терпеть не могу. С удовольствием побегаю с тобой взапуски, кухня, но в этой духовке париться не собираюсь, – невоспитанно откликнулся Мак, отступая к открытому окну и, похоже, готовясь к побегу.

– Да ладно, неженка, ради меня можешь не оставаться. Нельзя мне бросать своих гостей ради пробежки под луной, даже если бы я и рискнула отправиться на нее морозной ночью в тонком платье, – ответила Роза, обмахиваясь веером; ее явно не обидел отказ – она слишком хорошо знала привычки Мака, и они ее только забавляли.

– Да там всяко лучше, чем торчать в этой пыльной, жаркой, шумной комнате, где пахнет газом. Из чего, как ты думаешь, состоят наши легкие? – спросил Мак, явно готовый вступить в дискуссию.

– Я когда-то знала, но забыла. Забросила за другими занятиями свои хобби, которым так старательно предавалась пять-шесть лет назад, – ответила Роза, смеясь.

– Ах, какие славные были времена! А ты долго будешь заниматься всем этим, Роза? – поинтересовался Мак, бросив неодобрительный взгляд на танцоров.

– Думаю, месяцев трех мне хватит.

– Тогда до встречи перед Новым годом! – И Мак исчез за занавеской.

– Роза, душенька, ты должна на него как-то повлиять, пока он не стал совсем уж медведем. После твоего отъезда он

с головою ушел в свои книги, причем так успешно, что мы к нему не суемся, хотя мать часто сетует на его манеры. Я тебя прошу, займись его воспитанием – ему давно пора бросить все эти чудачества и отдать должное многочисленным дарованиям, которые за ними скрываются, – попросил Розу дядя Мак, сильно скандализированный поведением сына.

– Ах, я слишком хорошо знаю свой колючий каштан и не боюсь его уколов. А вот другие боятся, так что я попробую на него повлиять и сделать из него гордость всего семейства, – с готовностью пообещала Роза.

– А за образец возьми Арчи, таких юношей – один на тысячу, и девушка, которой он достанется, никогда об этом не пожалеет, – добавил дядя Мак: ему, любителю сводничать, последнее собственное замечание показалось весьма глубоким.

– Ах боже мой, как я устала! – воскликнула Роза, упав в кресло после того, как между часом и двумя ночи последняя карета укатила прочь.

– Ну, что скажете, мисс Кэмпбелл? – поинтересовался доктор, впервые в жизни обращаясь к ней так, как нынче вечером обращались почти все.

– Скажу, что мисс Кэмпбелл, похоже, ждет веселая жизнь, если все продолжится в том же духе: по крайней мере, пока эта жизнь ей очень нравится, – откликнулась девочка, на устах которой все еще трепетала улыбка, ибо уста только что впервые отведали того, что в свете принято называть удо-

ВОЛЬСТВОМ.

Глава 4

Розы и шипы

Некоторое время все шло гладко, и Роза была вполне счастлива. Мир казался ей таким прекрасным, выдавал к ней такое расположение – вот-вот сбудутся самые лучезарные мечты. Разумеется, долго это продолжаться не могло, рано или поздно должно было воспоследовать разочарование, ибо юные глаза вечно отыскивают рай, а потом льют слезы, обнаружив обыденность, которая обрушивается на тебя сплошные заботы и невзгоды, пока ты не научишься расцветивать и украшать ее высокими мыслями и добродетельной жизнью.

Те, кто Розу любил, с тревогой ждали, когда же она утратит свои иллюзии, – а это казалось неизбежным, несмотря на все их заботы, потому что до недавнего времени Роза постоянно была занята учебой, путешествиями, домашними делами – и почти ничего не знала о триумфах, испытаниях и искусах светской жизни. В силу родовитости и богатства она не могла избежать их полностью, а доктор Алек, знавший, что опыт – лучший учитель, мудро предоставил ей выучить и этот урок, и многие другие, хотя и тешил себя надеждой, что цена будет не слишком высока.

Октябрь и ноябрь промелькнули быстро, приближалось

Рождество с его веселыми затеями, семейными встречами и добрыми пожеланиями.

Роза сидела в своем укромном уголке – комнатке рядом с парадной гостиной – и трудилась над подарками пяти сотням друзей, которые с приближением праздников делались к ней все приязненнее и приязненнее. Ящики ее комода были открыты настежь, из них выглядывали всякие симпатичные пустячки, которые Роза обвязывала яркими лентами.

Обычно в такие моменты лицо юной девушки светилось счастьем, но Роза выглядела хмурой и время от времени с полным безразличием швыряла очередной сверточек в ящик – любви, которая придала бы подарку ценность, она явно не испытывала. Выражение ее лица поразило доктора Алека своей необычностью: он вошел и тут же встревожился, потому что любая тень, набежавшая на чело Розы, наводила тень и на его собственное.

– Можешь на минутку оторваться от своего приятного занятия и заштопать мне старую перчатку? – спросил он, подходя к столу, заваленному лентами, кружевами и цветной бумагой.

– Конечно, дядюшка, с удовольствием.

Лицо девушки будто бы озарилось солнечным светом; она протянула обе руки, чтобы взять у дяди поношенную перчатку для верховой езды, и в голосе ее звучала искренняя готовность, придающая особую ценность даже самой скромной услуге.

– Смотрю, моя щедрая дарительница вся в трудах. Я могу тебе чем-то помочь? – спросил дядюшка, разглядывая стол.

– Нет, спасибо, вот разве что ты знаешь, как вернуть мне прежний интерес и удовольствие. Не кажется ли тебе, что возиться с подарками очень скучно, если только они не предназначены людям, которых ты любишь и которые любят тебя? – На последних словах голос ее дрогнул.

– Тем, кто мне безразличен, я попросту ничего не дарю. Не вижу в этом смысла, особенно в Рождество, когда в каждое дело нужно вкладывать душу. Если все эти «пустячки» для любезных друзей, у тебя их очень много.

– Я раньше считала их друзьями, но многие ими не являются, в том-то и проблема, сэр.

– Расскажи подробнее, душа моя, и брось ты эту старую перчатку, – сказал дядя Алек, присаживаясь рядом с выражением искренней заинтересованности.

Но Роза не выпустила перчатку и с нажимом произнесла:

– Нет-нет, мне за работой проще! Я просто не представляю, как смотреть тебе в глаза и одновременно рассказывать, какая я дурная и мнительная, – добавила она, не отрываясь от работы.

– Ладно, готов выслушать признания в любых проступках, даже буду рад, ибо в последнее время часто вижу, что глаза у моей девочки затуманены, а в голосе звучат тревожные нотки. Что, Роза, у чаши, которая обещала быть такой сладкой, оказался горький привкус?

– Да, дядюшка. Я пыталась горечи не замечать, но она там есть, и мне это не по душе. Стыдно признаваться, но лучше уж это сделать, потому что ты обязательно покажешь мне, как вернуть прежнюю сладость, или заверишь, что горечь мне только на пользу, – как заверял, когда я изучала медицину.

Она примолкла, а иголка так и мелькала. А потом, в пароксизме девичьего горя и обиды, Роза излила дядюшке все, что у нее накопилось.

– Дядя, половине из тех, кто проявляет ко мне исключительную доброту, я совершенно безразлична, им интересно лишь то, что я могу им дать, и меня это печалит, потому что раньше признание доставляло мне особую радость и гордость. Ах, если бы у меня не было ни гроша за душой! Я сразу бы поняла, кто мне настоящий друг.

– Бедняжка! Выяснила наконец, что не все то золото, что блестит; пришла пора расстаться с иллюзиями, – пробормотал доктор себе под нос, а вслух добавил, сострадательно улыбнувшись: – То есть милые подарки тебя больше не радуют и Рождество для тебя испорчено?

– Ну, это не относится к тем, в ком я не усомнюсь никогда! Мастерить для них подарки мне даже милее, чем раньше, потому что в каждый стежок я вкладываю всю душу, потому что знаю, что, пусть это и скромные дары, они будут дороги тебе, бабушке Биби, тете Джесси, Фиби и мальчикам.

Роза открыла ящик, где грудой лежали симпатичные по-

дарки, которые она с любовным тщанием смастерила собственными руками; девушка нежно их поглаживала, пока говорила, ласкала завязанную морским узлом синюю ленту на пухлом пакете – с улыбкой, свидетельствовавшей о том, что этот подарок предназначен тому, кому она верит неукоснительно.

– А вот эти, – продолжила она, открывая другой ящик и подбрасывая его аляповатое содержимое в воздух с выражением одновременно и презрения, и печали, – эти я купила лишь потому, что так положено. Этим людям важно одно: богатый дар, а вовсе не даритель, которого они втайне еще и упрекнут, если дар покажется недостаточно щедрым. Как можно получать от такого удовольствие, дядя?

– Никак, вот только боюсь, душа моя, к некоторым из своих знакомых ты несправедлива. Будет обидно, если завистливость и эгоизм меньшинства отравят твою веру во всех остальных. Ты уверена, что всем этим девушкам ты безразлична? – спросил он, вчитываясь в некоторые имена на разбросанных подарках.

– Боюсь, что да. Видишь ли, вчера вечером у Ариадны я случайно услышала один разговор – всего несколько слов, но очень для меня обидных, ибо собеседницы обсуждали, что я им подарю, и все рассчитывали на что-то ценное. «Она богата, ей положено проявлять щедрость», – сказала одна из них. «Я несколько недель вокруг нее увивалась, надеюсь, она этого не забудет», – добавила другая. «Я очень на нее обижусь,

если она не подарит мне пару своих перчаток – у нее их куча, а я недавно будто бы между делом их примерила, чтобы показать, что они мне впору, и сделать ей намек», – добавила третья. Намек я, как ты видишь, поняла. – Роза открыла премилый футлярчик, в котором лежало несколько пар ее лучших перчаток – количество пуговиц на них насытило бы самую алчную душу.

– Безделушек и блестящей бумаги горы, вот только почти никакой любви в эту грудку не вложено, так? – Дядя Алек не сдержал улыбки при виде пренебрежительного жеста, которым Роза оттолкнула футляр.

– Ни грана – и так почти со всеми. Я купила им то, чего они хотели, а в оплату жду уважения и доверия, которые для них ничего не стоят. Я знаю, это неправильно, но мне мучительно думать, что расположение и дружелюбие, которые так грели мне душу, были лживыми и корыстными. Сама я так не обращаюсь с людьми.

– В этом я не сомневаюсь. Учись принимать жизнь такой, какая она есть, моя душа, и отделять зерна от плевел – зерен там много, нужно лишь знать, где искать. Это все твои беды?

– Нет, дядя, это лишь малая их часть. Я быстро оправлюсь от разочарования в этих девушках и научусь, как ты советуешь, принимать их такими, как есть, но дело в том, что, обманувшись в них, я начинаю с подозрением относиться и к другим, а это очень мучительно. Если нельзя доверять людям, уж лучше я буду жить одна и получать от этого удоволь-

ствие. Как я ненавижу все эти интриги, заговоры и ухищрения!

В голосе зазвучала ярость, Роза дернула нитку, она порвалась, – похоже, сожаления уступили место гневу.

– Сдается мне, тебя язвит еще какой-то шип. Давай-ка вытащим его, а потом я поцелую место укола, как целовал твои пальчики, которые ты сейчас так немилосердно колешь, после того, как вытаскивал оттуда занозу, – предложил доктор, которому хотелось как можно скорее избавить любимую пациентку от страданий.

Роза рассмеялась, но щеки заалели ярче прежнего, и она ответила с очаровательной смесью девичьей застенчивости и природной искренности:

– Тетя Клара сильно меня смущает, потому что спешит оговорить половину молодых людей, с которыми я знакомлюсь: она считает, что им нужны только мои деньги. Это просто ужасно, я ее не слушаю, но иногда волей-неволей призадумаешься, ибо они очень ко мне добры, а я не настолько тщеславна, чтобы относить это на счет моей красоты. Может, это глупо с моей стороны, но мне хотелось бы чувствовать себя чем-то большим, чем просто богатой наследницей.

Розин голосок под конец задрожал, и доктор Алек тихонько вздохнул, глянув в опущенное личико, на котором отобразалось смятение, каковое испытывают прямодушные люди, когда сомнениям случается впервые замутнить их веру и пошатнуть безгрешные представления, сохранившиеся с

детских лет. Доктор этого ждал, понимая, что те вещи, которые Роза только сейчас начала замечать и теперь пытается, с подобающей скромностью, ему описать, давно уже стали явственными для более искушенного взгляда. Богатая наследница выглядела притягательно в глазах большинства молодых людей, которым доводилось с ней познакомиться. Да, они были неплохими людьми, но им, как почти и всем в наши дни, внушили представление, что девушки, наделенные красотой или богатством, попадают на рынок исключительно с целью купли-продажи.

Роза могла приобрести все, что ей заблагорассудится, ибо обладала обоими достоинствами, поэтому быстро обросла толпой поклонников, и каждый стремился завоевать желанную награду. Розу не приучили к мысли, что единственной целью и итогом женской жизни является подходящая партия, вот она и встревожилась, когда первая волна приятного возбуждения отхлынула и она поняла, что притягивает к ней прежде всего ее состояние.

Невозможно было не увидеть, не услышать и не понять этого по многозначительным взглядам, случайным словам, легким намекам: женское чутье проворнее, чем ум, улавливало корыстолюбие, которое омрачало для Розы многие нарождавшиеся дружбы. В ее глазах любовь была чувством священным, о ней и думать не полагалось, пока она не пришла, а далее ее надлежало принять с преклонением и хранить с верностью до конца дней. Понятно, что девушку ко-

робило, когда о любви говорили с легкомыслием, а брак рассматривали как сделку, в ходе которой нужно торговаться, почти не думая о высоком долге, колоссальной ответственности и нежных радостях. Многое Розу озадачивало, и время от времени сомнения во всем том, во что она до сих пор верила и что принимала за истину, оставляли у нее ощущение, что она оказалась в море без компаса – новый мир был совсем не похож на тот, в котором она жила раньше, новичка он одновременно и очаровывал, и страшил.

Доктор Алек уловил настроение своей племянницы и как мог постарался ее предостеречь, не нагружая слишком тяжелым бременем житейской мудрости.

– Для тех, кто тебя знает и любит, ты отнюдь не только наследница, а потому не смущайся, душа моя, и крепче держись за свою внутреннюю веру. Она – мерило всего, а потому всего, в чем тебе чудится фальшь, следует на всякий случай избегать. Проверь каждого встреченного человека, и я убежден, что совесть, чутье и опыт не позволят тебе допустить тяжелых ошибок. – С этими словами доктор бережно обвил племянницу рукой за талию и бросил на нее полный доверия взгляд, сильно ее утешивший.

После короткой паузы Роза ответила, причем на губах ее заискрилась нежданная улыбка, а перчатку она поднесла к лицу, чтобы не выдать себя зардевшимися щеками:

– Дядюшка, уж если полагается иметь кавалеров, хотелось бы, чтобы они были поинтереснее. О какой приязни и ува-

жении может идти речь, когда некоторые из них ведут себя так, как ведут, а потом еще и считают, что женщина должна чувствовать себя польщенной, если они предлагают ей свою руку? Сердца вышли из моды, так что про них они даже и не упоминают.

– Ага! Так вот в чем твоя беда! У нас завелись сердечные невзгоды! – воскликнул доктор Алек, довольный тем, как Роза оживилась при переходе на эту тему, ибо он был – в чем ранее признался брату – не лишен романтических склонностей.

Роза опустила перчатку и взглянула на дядю с забавной смесью умиления и отвращения.

– Дядя, это полный позор! Я и раньше тебе хотела рассказать, но мне было стыдно, потому что мне неприятно хвастаться такими вещами, как хвастаются некоторые другие девушки, – да и истории такие нелепые, что вряд ли имеет смысл их тебе пересказывать. Впрочем, наверное, стоило это сделать, вдруг ты просто велишь мне составить хорошую партию – тогда, понятное дело, придется повиноваться, – добавила она, пытаясь изобразить покорность.

– Конечно пересказывай. Разве я небрежно храню твои тайны, разве не даю тебе ценных советов, как положено образцовому опекуну? Тебе необходим конфидент, а кто подходит на эту роль лучше меня? – спросил доктор, пригластительным жестом похлопав себя по жилетке.

– Никто, так что я все тебе открою, кроме имен. Тут луч-

ше поостеречься, потому что ты, боюсь, рассердишься: некоторые из них сильно мне докучают, – начала Роза: ее очень радовала возможность излить дяде душу, ибо он в последнее время держался несколько отстраненно.

– Как ты знаешь, мы люди довольно старомодные, и я не была готова к тому, чтобы выслушивать предложения руки справа и слева, днем и ночью, без предупреждения, после нескольких улыбок и любезных слов. Я думала, что это будет очень занятно и романтично, об азарте уж и не говорю, так ведь ничего подобного: вместо того чтобы плакать, я смеюсь; злюсь, а не радуюсь и очень быстро обо всем забываю. Ты представляешь, дядя, один уморительный юноша сделал мне предложение после полудюжины встреч. Впрочем, он в долгах как в шелках, этим, видимо, все и объясняется. – И Роза сделала вид, что стряхивает с пальцев воображаемую грязь.

– Я его знаю и ждал этого, – заметил, поведя плечами, доктор.

– Ты все знаешь и видишь! Так, наверное, продолжать не имеет смысла?

– Нет, продолжай! Кто еще? Я даже и не догадываюсь.

– Ну, еще один встал на колени в оранжерее у миссис Ван и начал мужественно изливать передо мной свою страсть – а в ноги ему то и дело впивались колючки большого кактуса. На нас набрела Китти, мы с ней не удержались и рассмеялись – с тех пор он меня терпеть не может.

Приятно было послушать хохот доктора, и Роза к нему

присоединилась – относиться к этим эпизодам серьезно она не могла, поскольку никакие искренние чувства не искупали их абсурдности.

– Еще один осыпал меня ворохами стихов, и все это было столь байронично, что я уже пожалела, что волосы у меня не рыжие, а звать меня не Бетси-Энн¹². Стихи я сожгла, так что увидеть их тебе не удастся, а он, бедолага, теперь утешается в обществе Эммы. Но хуже всего был другой – он ухаживал прилюдно и почему-то решил сделать мне предложение посреди танца. Я редко танцую круговые танцы, разве что с нашими мальчиками, но в тот вечер не уклонилась, потому что девушки дразнили меня ханжой. Я теперь не против такого прозвища, оно мне вполне подходит, я заслужила подобную участь.

– И это все? – спросил дядя, принимая «свирепый» вид (чего Роза и боялась) при мысли о том, что любимая его девочка вынуждена была выслушивать признания, вращаясь в танце вокруг партнера.

– Был еще один, но о нем я рассказывать не буду, потому что знаю: он говорил искренне и действительно страдал, хотя я старалась обойтись с ним как можно добрее. Для меня эти вещи пока в новинку, и я очень за него переживала, а к любви его отношусь с трепетным уважением.

На последних словах голос Розы понизился почти до ше-

¹² Вероятно, речь идет о жене английского поэта Дж. Г. Байрона Энн Изабелле Ноэль Байрон (1792–1860).

пота, а доктор Алек нагнул голову, как будто невольно отдавая салют товарищу по несчастью. После этого он встал и произнес, пристально вглядываясь в личико, которое приподнял к себе, подведя палец под подбородок:

– Хочешь продолжать так же еще три месяца?

– Я дам ответ первого января, дядя.

– Отлично. Оставайся на верном курсе, мой маленький капитан, а если увидишь, что впереди бушует буря, зови старшего помощника.

– Разумеется, сэр. Я так и сделаю.

Глава 5

Прекрасный Принц

Старая перчатка лежала, забытая, на полу, Роза сидела задумавшись, но вот в коридоре раздались стремительные шаги и приятное пение, которое звучало все ближе.

Вот он по городу идет,
Глазеет в небеса
И видит: у окна сидит
Девушка-краса.

Он вверх по лестнице бегом,
С дверей сорвал замок,
Ах, как же рада я тебе,
Мой миленький дружок! —

пропела Роза, когда голос умолк и в дверь постучали.

— С добрым утром, Розамунда, вот твои письма, а также твой верный слуга, готовый выполнить любое твоё поручение, — приветствовал её Чарли, входя; он, как обычно, выглядел опрятно, жизнерадостно и беспечно.

— Спасибо. Поручений не будет, вот разве что попрошу тебя отправить ответы, если какие из писем их требуют; так что подожди немного, Принц.

И Роза принялась вскрывать записки, которые он бросил ей на колени.

– Ха! Что вижу я? Затмись, мой взор! – воскликнул Чарли, мелодраматическим жестом указывая на перчатку, – как и многие опытные актеры-любители, он с удовольствием включал театральные реплики в обыденную речь.

– Дядя оставил.

– Ну, тогда ладно. Уж я решил, что был соперник здесь. – Чарли подобрал перчатку и, забавляясь, напялил ее на головку маленькой Психеи, украшавшей каминную полку, – по ходу дела он негромко напевал еще один куплет старинной песенки:

Берет он за руку ее,
Сажает на колени,
Красавцу-горцу отказать
Не в силах наша Дженни¹³.

Роза читала письма, время от времени возвращаясь мыслями к разговору с дядей, равно как и к иным предметам, о которых ей напомнили гость и его песенка.

В течение трех проведенных дома месяцев с этим кузеном она виделась чаще, чем с остальными, – судя по всему, у него единственного имелся досуг для того, чтобы «поиграть с Розой», как они это называли много лет назад. Другие маль-

¹³ Строфы из стихотворения шотландского поэта Роберта Бёрнса «Чарли, мой любимый» («Charlie, He's My Darling», 1796).

чики трудились, даже маленький Джейми посвящал многие часы, предназначенные для игр, мужественным борениям с латинской грамматикой, злым гением его юной жизни. У доктора Алека за долгое отсутствие накопилось много дел; Фиби неустанно занималась музыкой, а бабушка Биби по-прежнему надзирала за хозяйством. Вот и вышло, причем вполне естественным образом, что Чарли постоянно увивался поблизости, с письмами, сообщениями, новостями и приятными планами. Он помогал Розе делать наброски, ездил с нею верхом, пел для нее и даже сопровождал на все увеселения, ибо тетушка Клара, самая жизнелюбивая из всех сестер, неизменно выполняла роль дуэньи.

Все это было чрезвычайно приятно, однако Роза все чаще и чаще задумывалась о том, что Чарли надо бы по примеру кузенов найти себе другие занятия и не превращать заботы о кухне в дело всей своей жизни. В семье давно привыкли к его самовлюбленности, и остальные мальчики в едином заблуждении полагали, что он имеет право на все лучшее, потому что для них он оставался Принцем, зеницей их очей, человеком, который обязательно покроет славой их общее имя. Как именно, никто толком не знал, ибо, будучи человеком безусловно одаренным, Принц не обладал особыми склонностями или умениями, и старшие начали уже покачивать головой, поскольку пока все ограничивалось посулами и прожеками, а время действовать так и не наступало.

Роза все это видела, и ей очень хотелось вдохновить бли-

стательного кузена на подлинно мужской поступок, который поможет ему завоевать не только уважение, но и восхищение. Вот только задача была не из легких, потому что, хотя он и выслушивал ее с неподдельным добродушием и признавал все свои недостатки с обезоруживающей откровенностью, у него всегда находились объяснения, поводы или отговорки, и уже через пять минут он перехватывал нить разговора, вынуждая ее замолчать, но не передумать.

Кроме всего прочего, в последнее время она начала замечать за ним уверенность в том, что мысли ее и время принадлежат ему безраздельно, и посягательства любого другого вызывали у него нескрываемую досаду. Розу это нервировало, наводило на мысль, что кузен неправильно трактует ее приязнь и стремление помочь, тем более что тетя Клара перетолковывала ее поступки на свой лад, настойчиво твердя, что Роза должна «использовать свое влияние на милого мальчика», притом что любое другое вмешательство любящая мать решительно пресекала. Розу это тревожило, ей казалось, что она попала в западню: да, она твердо знала, что Чарли – самый обаятельный из всех ее кузенов, но не готова была к тому, чтобы на нее предъявляли подобные права, тем более что другие, зачастую куда более симпатичные ей мужчины тоже искали ее расположения, но без подобной настырности.

Такие вот мысли роились у нее в голове, пока она читала письма; мысли эти невольно проявились в последующей бе-

седе.

– Одни приглашения, а мне сейчас некогда на них отвечать, иначе я никогда не закончу, – сказала Роза и вновь взялась за дело.

– Давай я тебе помогу. Готов делать, что скажешь, только распорядись. Обзаведись секретарем – ты быстро поймешь, как это удобно, – предложил Чарли, который готов был выполнять любые поручения и давно уже освоился в Розином уголке.

– С подарками я лучше сама разберусь, но если хочешь, можешь помочь мне с письмами. На все, кроме двух-трех, нужно просто ответить, что я сожалею. Зачитывай мне имена, я буду говорить, кому что писать.

– Слушаюсь и повинуюсь. И пусть не говорят, что я «легкомысленный бездельник»!

И Чарли с готовностью уселся за стол, ибо часы, проведенные в маленькой комнатке, казались ему лучше и счастливее других.

– Порядок – главное, что есть в раю, и здесь безупречный порядок, а вот бумаги я не вижу, – добавил Чарли, открывая ящик стола и с любопытством рассматривая его содержимое.

– Посмотри в правом ящике: с лиловой монограммой для записок, обыкновенная для деловых писем. Я сейчас тебе все покажу, – сказала Роза, пытаясь решить, кому достанется кружевной носовой платочек, Ариадне или Эмме.

– Ах, беспечная! А если я открою не тот ящик и обнаружу

в нем приметы твоих сердечных тайн? – не унимался ново-
явленный секретарь, перебирая листы тонкой бумаги с чисто
мужским безразличием к порядку.

– У меня их нет, – чистосердечно призналась Роза.

– Как, ни одной безрассудной записки, ни одной незабвен-
ной миниатюры, увядшего цветочка, ничего в таком духе?
Поверить не могу, кузина! – И Чарли недоверчиво покачал
головой.

– Если бы они у меня и были, я бы уж точно не стала их
тебе показывать, бессовестный! Да, в столе лежит несколько
сувениров, но ничего особенно интересного или сентимен-
тального.

– Как бы я хотел взглянуть! Впрочем, у меня никогда не
хватит духу попросить, – заметил Чарли, вперяя в полуот-
крытый ящик чрезвычайно зоркий взгляд.

– Смотри сколько хочешь, но вряд ли обнаружишь что-
то интересное, соглядатай. Левый нижний ящик, в котором
торчит ключ.

– «О благодетельный ангел, как мне тебя отблагодарить?
Какого трепета исполнен этот изумительный миг!» – И, про-
цитировав «Удольфские тайны»¹⁴, Чарли трагедийным же-
стом повернул ключ и вытянул ящик. – Семь прядей во-
лос в коробочке, все светлые, «соломенного цвета, оранже-
во-пламенная, натурально-пурпурная, ярко-желтая, как чер-

¹⁴ Готический роман британской писательницы Анны Радклиф (1764–1823).

вонец французского чекана»¹⁵, по словам Шекспира. Выглядят знакомо, полагаю, мне ведомо, с каких голов они срезаются.

– Да, каждый из вас дал мне по прядке на прощание, и они вместе со мною объехали в этой коробочке весь свет.

– Жаль, что головы не последовали за ними. А вот уморительный янтарный божок, в спину ему вставлено золотое кольцо, и дыхание его благовонно, – продолжал Чарли, понюхав носик флакона с духами.

– Давний подарок дяди, который мне очень дорог.

– А вот это уже подозрительно! Мужской перстень, на камне вырезан лотос, к перстню приложено письмо. Спрашиваю, содрогаясь: кто, где, когда?

– Подарок ко дню рождения от одного джентльмена в Калькутте.

– Какое облегчение! То был мой родитель?

– Да ну тебя! Да, разумеется, и он делал все, чтобы я получила удовольствие от своего визита. Было бы здорово, если бы и ты съездил его навестить, как подобает хорошему сыну, вместо того чтобы здесь прохлаждаться.

– Вот и дядя Мак постоянно это твердит, но меня никакими нотациями не загонишь под ярмо, пока я от души не натешусь жизнью, – строптиво пробормотал Чарли.

– Как бы потехи не завели тебя в тупик, – серьезным голосом проговорила Роза.

¹⁵ Уильям Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт I, сцена 2.

– Не заведут, если ты станешь за мной присматривать, как вроде бы обещала, судя по тому, как пылко тебя благодарят в этом письме. Ах, бедный папаша! Хотел бы я с ним повидаться: дома он не был уже почти четыре года и, похоже, сильно сдает.

Чарли единственный из мальчиков называл отца папашей – видимо, потому, что остальные знали и любили своих отцов, он же своего видел так редко, что это неуважительное наименование постоянно слетало у него с языка, суть их отношений состояла в том, что от старшего регулярно поступали приказы и нравоучения, младший же относился к ним с досадой и пренебрежением.

Роза давно уже поняла, что склонность тети Клары к светским развлечениям сделала жизнь дяди Стивена в родном доме невыносимой и он предпочел добровольное изгнание, оправдывая свои длительные отлучки деловыми интересами.

Именно об этом Роза и думала, глядя, как ее кузен, внешне посерьезнев, крутит перстень в пальцах – серьезное выражение лица очень ему шло; сочтя этот момент подходящим, Роза произнесла с чувством:

– Да, он сдает. Чарли, милый, мне кажется, в данном случае думать нужно не об удовольствиях, а о долге. Уверена, ты потом не пожалеешь!

– А ты хочешь, чтобы я уехал? – тут же поинтересовался Чарли.

– Я считаю, что ты должен.

– А я считаю, что ты станешь куда прелестнее без этих постоянных рассуждений о том, что хорошо, а что плохо! Это одно из тех странных представлений, которые внушил тебе дядя Алек.

– Внушил – и я очень этому рада! – запальчиво воскликнула Роза, но потом осадила себя и произнесла с исполненным смирения вздохом: – Ты же знаешь, все женщины хотят, чтобы мужчины, которые им небезразличны, поступали правильно – и волей-неволей их к этому подталкивают.

– Что есть, то есть, нам бы давно впору превратиться в ангелочков, вот только я убежден: если это произойдет, вы, милочки, тотчас же нас разлюбите. Или нет? – с лукавой улыбкой спросил Чарли.

– Может, и нет, но ты уходишь от ответа. Ты поедешь в Индию?

– Нет, не поеду.

Голос прозвучал решительно, воспоследовала неловкая пауза, по ходу которой Роза с излишней старательностью завязывала узелок, а Чарли продолжал рыться в ее ящике – с завидным рвением, но без особого интереса.

– Ух ты, какая древность – эту вещицу я тебе подарил сто лет назад! – внезапно воскликнул он с довольным видом, доставая агатовое сердечко на выцветшей голубой ленточке. – Позволишь забрать обратно каменное сердце и вручить тебе

плотяное?¹⁶ – спросил он полусерьезно-полушутя – его явно тронули и безделушка, и связанные с нею воспоминания.

– Нет, не позволю, – отрывисто ответила Роза, которой эта непочтительная и дерзкая просьба пришлась совсем не по душе.

Чарли вроде как смутился; впрочем, в силу природной беззаботности он склонен был мгновенно забывать собственные некрасивые выходки и делать так, что через минуту собеседник уже снова был в ладу и с ним, и с самим собой.

– Ладно, раз уж мы квиты, оставим эту тему и начнем сначала, – произнес он с неподражаемой галантностью, хладнокровно опуская сердечко в карман, после чего хотел уже было задвинуть ящик. Но тут еще что-то бросилось ему в глаза, и с восклицанием: «Что это? Что такое?» – он выхватил оттуда фотографию, которая раньше была наполовину погребена под пачкой писем с иностранными штемпелями.

– Ах! Я и забыла, что она здесь! – торопливо произнесла Роза.

– Что это за мужчина? – требовательно спросил Чарли, хмуро разглядывая располагающее лицо на фотографии.

– Достопочтенный Гилберт Мюррей, мы вместе плавали по Нилу, он стрелял крокодилов и прочую мелкую живность – он заядлый охотник, и я писала тебе про него в письмах, – беспечно откликнулась Роза, хотя ее и смутило, что фотография обнаружилась в такой момент: речь шла об одном из

¹⁶ Иез. 36: 26.

тех случаев, которые подходили под определение дяди Алека «едва пронесло».

– Судя по стопке писем, крокодилы его не съели, – ревниво заметил Чарли.

– Очень на это надеюсь. Его сестра ничего такого не упоминала в своем последнем письме.

– Вот как! Значит, это с ней ты переписываешься? Сестры бывают на редкость злокозненны. – Чарли с сомнением посмотрел на стопку писем.

– В данном случае сестра оказалась весьма кстати, поскольку сообщила мне о женитьбе брата – никто другой этого бы не сделал.

– Ага! Ну, если он женат, мне до него нет дела. А я-то думал, что отыскал причину того, почему тебя так трудно очаровать. Но если тайного воздыхателя у тебя нет, я по-прежнему ничего не понимаю. – И Чарли небрежно бросил фотографию в ящик, явно потеряв к ней всяческий интерес.

– Меня трудно очаровать, потому что я разборчива и пока не встретила никого, кто пришелся бы мне по вкусу.

– Никого? – С нежным взглядом.

– Никого. – Со строптивым румянцем, а потом совершенно правдиво: – Я во многих вижу приятные и даже восхитительные свойства, но ни в ком еще не нашла достаточной силы и добродетели. Ты же знаешь, мои герои – люди старой закалки.

– Всякие задаваки вроде Гая Карлтона, графа Альтенберга

и Джона Галифакса¹⁷ – знаю я, кем вы восхищаетесь, добронравные девушки, – хмыкнул Чарли, предпочитавший стиль Гая Ливингстона, Боклерка и Рочестера¹⁸.

– Я не «добронравная девушка», потому что терпеть не могу задавак. Я хочу связать свою жизнь с джентльменом в высоком смысле этого слова и согласна ждать: одного я уже видела, значит в мире есть и другие.

– Видела она! А я его знаю? – тут же переполошился Чарли.

– Да уж наверное, – ответила Роза с озорным блеском в глазах.

– Если это не Пем, то сдаюсь. Он самый воспитанный из всех, кого я знаю.

– Боже, нет, конечно! Этот джентльмен куда благороднее мистера Пембертона и старше его на много лет, – возразила Роза, причем в голосе ее чувствовалось такое уважение, что к тревоге Чарли прибавилась озадаченность.

¹⁷ *Гай Карлтон* – честный и чуткий джентльмен, персонаж романа Сюзан Уорнер «Квичи» («Queechy», 1852); *граф Альтенберг* – романтический герой, полюбивший героиню за ее скромность и чувство собственного достоинства в романе Марии Эджворт «Опека» («Patronage», 1814); *Джон Галифакс*, герой романа Дины Мюлок Крэйк «Джон Галифакс, джентльмен» («John Halifax, Gentlemen», 1856), становится джентльменом благодаря своим заслугам, а не происхождению.

¹⁸ *Гай Ливингстон* – герой романа Джорджа Альфреда Лоуренса «Гай Ливингстон» («Guy Livingstone», 1857), сильный, темпераментный и любвеобильный; *Боклерк* – молодой и красивый герой романа Марии Эджворт «Елена» («Helen», 1834), защищающий честь своей любовницы на дуэли; *Эдвард Рочестер* – романтический герой романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» («Jane Eyre», 1847).

– Наверняка какой-нибудь проповедник. Вы, набожные девицы, вечно восхищаетесь клириками. Вот только все наши знакомые священники женаты.

– А он нет.

– Да назови же мне, ради всего святого, его имя, не му-чай! – взмолился Чарли.

– Александр Кэмпбелл.

– Дядя? Ух, не буду скрывать, мне полегчало, вот только это чистый абсурд. То есть ты хочешь сказать, что, когда отыщешь юного святого с теми же замашками, ты тут же выскочишь за него замуж, да? – требовательно спросил Чарли, которого ответ ее и позабавил, и огорчил.

– Если мне повезет встретить мужчину хоть вполовину столь же порядочного, доброго и благородного, как дядя, я сочту за честь выйти за него замуж – если он предложит, – решительно отозвалась Роза.

– Какие все-таки у женщин странные вкусы! – И Чарли подпер ладонью подбородок и ненадолго погрузился в размышления о слепоте одной конкретной женщины, которая почему-то восхищается славным пожилым дядюшкой сильнее, чем бравым юным кузеном.

Роза продолжала старательно упаковывать подарки, втайне надеясь, что не проявила чрезмерной суровости: читать Чарли нравоучения было делом нелегким, хотя порой он этому даже радовался и охотно признавал свои недостатки, зная, что женщинам по душе прощать грешников такого тол-

ка.

– Ты не успеешь закончить к отправке почты, – напомнила Роза, ибо молчать рядом с Чарли ей было даже тягостнее, чем говорить с ним.

Он понял намек и в лучшей своей манере черкнул несколько записок. Добравшись до делового письма, он пробежал его глазами и озадаченно поинтересовался:

– А это что такое? Стоимость ремонта и пр. – от некоего Баффума?

– Это пропусти, я с ним потом сама разберусь.

– Не хочу я ничего пропускать – меня интересует все, что так или иначе тебя касается, и хотя ты возомнила, что я человек совсем не деловой складки, можешь меня испытать – и убедишься в обратном.

– Речь всего лишь о двух моих старых домах в городе: там делают ремонт, кое-что перестраивают, чтобы сдавать комнаты.

– Собираешься пускать жильцов? Неплохая мысль, от этого можно получать изрядный доход – ну, я так слышал.

– Вот как раз доход я получать и не собираюсь. Заводить доходный дом, каковы они нынче, мне бы совесть не позволила даже за миллион долларов.

– Да ладно, что ты про них знаешь? Люди снимают там квартиры, а владельцы неплохо зарабатывают, взимая арендную плату.

– Знаю я про них довольно много, ибо много их перевида-

ла и здесь, и за границей. Мы, должна тебе сказать, не только развлекались. Дядю интересовали тюрьмы и лечебницы, я иногда его сопровождала, но у меня от этого портилось настроение, вот он и предложил мне изучить благотворительные заведения, в работе которых я смогу принять участие по возвращении домой. Я побывала в детских садах, рабочих домах для женщин, сиротских приютах и во многих других подобных местах. Ты представить себе не можешь, как это оказалось поучительно и как я рада, что у меня есть средства хоть кому-то облегчить нужду, которой в этом мире так много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.